

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР САПЕГИН

СТОЛКНОВЕНИЕ

РОМАН

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 910

Художник
В. Федоров

Сапегин А. П.

С19 Столкновение: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 505 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1784-1

Эпоха великих географических открытий в прошлом. На планете не осталось места, куда не ступила бы нога человека, даже на Луне сапог астронавта оставил свой след. Исследовать больше нечего. Terra incognita всего лишь легенда. Шамбалы и Атлантиды не существует. Но если это не так? Что, если есть неизвестные страны и миры? Вдруг окажется, что мироздание расположило их намного ближе, чем в соседнем рукаве Галактики, и людям не нужно преодолевать сотни и тысячи парсеков космического пространства, чтобы открыть новый мир? Десятки, сотни, тысячи миров! Они совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки и за стеной времени, разделившей их.

Открытие российских ученых дало старт новой эпохе великих географических открытий и принесло новые беды эпических масштабов. Во многих мирах есть хозяева, которые совсем не рады гостям — они сами не прочь захватить мир визитеров...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Сапегин А. П., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1784-1

ПРОЛОГ

— Дайм! Уходи по левому логу! Дайм!

— Не спеши, Нарси, у меня для наших псоглавых друзей есть пара приятных сюрпризов. Не могу я их оставить без подарка! — Дайм скинул с плеч дорожную суму, одним движением развязал тесемки. — Сейчас-сейчас... будет вам пыль горь-травы в глотку...

— Дайм, не время! Уходим, нам надо сбить их со следа Грона! — Рядом с роющимся в суме мужчиной остановилась высокая белокурая девушка. Ночное светило яркими серебристыми блестками играло в ее волосах.

— Надень капюшон! — рыкнул Дайм. — Не отсвечивай.

— Дайм!

— Помолчи!

Наконец он извлек из горловины заплечной сумы искомое. Объект судорожных поисков представлял из себя небольшой глиняный горшок с два кулака размером. Отойдя в сторонку, Дайм, с маниакальной улыбкой на устах, глядя на которую, любой здравомыслящий человек предпочтет держаться от улыбающегося подальше, а лучше — за линией горизонта, прикопал горшок в землю.

— Та-ак, теперь фитиль... Нарси, дай табачный порошок.

— Зачем?

— Надо! — Забрав у напарницы горсть толченого в пыль табака, Дайм щедрой рукой раскидал его на тропе чуть ниже установленной в кустах бомбы. — Бежим, фитиль тлеет шесть-семь минут...

— Что ты...

— Шевели ногами, Нарси! Ветер дует на нас: если мы не уберемся как можно дальше, то нас накроет облако яда, и богиня Салли распахнет нам врата чертогов, — задыхаясь от быстрого бега и морщась от бьющих по лицу веток, проговорил Дайм.

Добежав до крутого косогора, пара беглецов на мгновение остановилась. Мужчина сбросил капюшон, прислушиваясь к многочисленным переляям, доносившимся со стороны скрывающейся внизу тропы. Псаны взяли след, и теперь их альфы погнались загонщиков вверх, за людьми.

— Шевелись! — Дайм подсадил девушку. Та, хватаясь руками за толстые корни, торчащие из земли, споро полезла наверх. Подпрыгнув, Дайм, ухватил свисающий конец брошенной ему веревки и моментально оказался рядом с Нарси. — На перевал! К южному проходу! Бегом!

Ба-бах!

— Попались! Гурговы выродки! — радостно крикнул мужчина. Истошный вой умирающих псанов живительным бальзамом изливался на душу минера. Через минуту завывания стихли, вместо них до людских ушей донесся рык разъяренных преследователей. — Теперь они пойдут только за нами. Грон может не беспокоиться. Считай, что семена и кровь-трава доставлены князю.

— Что было в горшке?

— Огненное зелье, перетертый корень лердана и порошок из ягод вороньего глаза. Только не говори, что за эту отраву без суда отрубают голову и тебе жалко псоглавых. Я бы их всех, своими руками... Всех, до последнего щенка! — сорвался на крик Дайм.

Нарси повернулась к напарнику и отшатнулась от горящих ненавистью глаз. Попади под этот взор кто-нибудь из псанов, он бы сгорел на месте. Настолько всепоглощающим было чувство, испытываемое мужчиной.

— Я тебя понимаю и не собираюсь осуждать, — сказала девушка, — я бы сама... — Ее пальцы судорожно сжались в маленькие кулачки. — Я убила десяток этих тварей и жалею, что мне не суждено убить еще десять.

— Ничего, сребровласка, мы добыли траву и семена. Знахари князя приготовят отвар и покончат с мором. Мы умрем не зря. — Дайм остановился. Зоркий взгляд мужчины успел заметить, как в предрассветном сумраке несколько блеклых теней с большими заплечными суммами перемахнули гребень перевала за спинами псанов, что гнались за отвлекающей группой. Дело сделано, Грон и его люди оторвались от преследования, теперь их не заполняют. Половина дневного перехода — и начнутся земли людей, где экспедицию ожидают княжеские сотни, которые смогут дать отпор обнаглевшим псоглавым выродкам. —

Осторожно. Дальше начинаются осыпи. Не хотелось бы зазря ноги переломать.

— Дайм, ложись!

Над головами парочки, плюясь искрами, пролетел огненный шар. Псаны задействовали тяжелую артиллерию — шаманов. Шар взорвался на осыпи, породив обвал, который отрезал беглецов от южного прохода через перевал. Преследователи купились на устроенное представление и решили, что главная группа людей играет роль отвлечения, а шустрая пара и есть переносчики семян кровь-травы — лекарства от смертельного мора, постигшего людские княжества.

— Гурговы твари! — в сердцах выругалась Нарси. — Они уже на тропе.

— Лезем вверх, на уступ, — ответил Дайм, разглядывая десятки согбренных фигур, выползающих на горную тропу из-за кромки косогора. — Рассвет... Как некстати.

Псаны внизу радостно завывали и залаляли, разглядев в первых лучах дневного светила две человеческие фигурки, упорно карабкающиеся вверх по крутому горному склону. Шаманы, встав в два круга, затаили рыкающие речитативы. В центре рыкающих хороводов родились сгустки пламени, с каждой секундой рукотворный огонь становился ярче и насыщенней, земля под ним почернела.

«Вот и все, — подумал Дайм, — живыми нас не выпустят...»

«Тра-та-та-та!» — раздалось с уступа. Мгновение спустя к звонкому металлическому тарахтению присоединились гулкие хлопки. На тропе разверзся ад... Ошарашенным беглецам показалось, будто гигантские воины с силой втыкают и выдергивают из земли исполинские копыя. Псанов разрывало в клочья. Огненный шторм за секунду смел десятки преследователей, тропа перестала существовать. Оставшиеся в живых псоглавые воины, воя от страха, громадными скачками неслись вниз. Многие не удерживались на крутизне, спотыкались, и к подножию гребня скатывались уже мешки с костями. Спрятавшимся в лесу повезло немногим больше — они прожили чуть дольше, чем их собратья на горной тропе. Окружающее пространство наполнил противный резкий свист, и невидимые исполинские копыя перепахали рощи под горой.

Дайм и Нарси, чтобы не сорваться вниз от возникшей тряски и не угодить под сыплющиеся сверху камни, всеми клеточками прижимались к холодному граниту. Через несколько минут свист утих, а к беглецам опустились веревочные лестницы.

Напарники недоуменно посмотрели друг на друга, выбирать не приходилось. Кто бы ни помог им, он обладал невиданным могуществом. Кем надо быть, чтобы сотворить такую магию? В голову мужчине и женщине пришли одинаковые мысли: враг врага может оказаться другом; по крайней мере, они очень надеялись на подобный расклад.

Подъем с помощью лестниц был несравненно легче, чем медленное карабканье по острым камням. Беглецы одновременно достигли края уступа. Нарси подняла голову вверх и столкнулась взглядом с широкоплечим седовласым человеком в странной одежде зеленого листового цвета с черно-коричневыми пятнами и полосками. Серо-голубые глаза нежданного спасителя пробежались по фигуре девушки, отмечая и мужского покроя одежду, и лук за спиной, и походную заплечную сумку, и общий изможденный вид беглянки. Сильные руки с мозолистыми ладонями помогли ей перемахнуть через край. Второй человек в странной одежде помог Дайму. От увиденной картины беглецы застыли в шоке. Весь уступ был заставлен странными домами на колесах и урчащими железными чудовищами, от которых противно пахло сгоревшим земляным маслом. Между домами и железными агрегатами сновали десятки людей, многие из них таскали непонятного назначения заскорузлые деревянно-металлические дубины с торчащими вбок рукоятками. Но самое странное было не в домах и чудовищах, а в том, что на скале за уступом распахнулось громадное окно, за которым угадывался бескрайний лес...

Часть первая РОСТОК

Россия. Дальний Восток, пос. Таежный
Вадим

Достав из короба последний груздь, Вадим очистил его от налипшей листвы и мелких шепочек, придирчиво осмотрел и уложил в чан. Маловато будет. Если так пойдет и дальше, то придется расстаться с планами по засолке пяти бочек грибов. Мало того что год не блещет урожаем, еще и нога подводит в самый неподходящий момент. Парень сунул в чан шланг, залил дары природы колодезной водой, и приготовил гнет. Хорошо, что два года назад он настоял на своем и установил в колодце глубинный насос. Дед для порядка побухтел пару дней, потом смирился и одобрил инициативу внука. Как тут не одобрить, когда недоросль убивался половину лета: выкопал глубокую траншею, уложил трубы и провел воду в дом. Тут хочешь не хочешь — одобришь. Не переть же супротив Полины, она баба боевая: упрет руки в боки, встанет на своем, и танком ее не сдвинешь. С другой стороны, ежели затеяли ремонт по полной программе, то, стал быть, надо его до конца доводить.

Залив грибы и придавив их крышкой с уложенным на нее громадным булыжником, Вадим проковылял к щитку и отключил насос. Нет больше ни бабы Поли, ни деда Миши. Жили они долго и счастливо и умерли в один день, точнее — в одну ночь. Пять лет назад, когда он с дедом ездил на каникулы к матери в Хабаровск, тот, мечтательно прикрыв глаза, обмолвился, что хочет умереть с газеткой в руках, сидя на унитазе. Чтобы тихо, спокойно, не страдая от старческих болячек и не мучая родных...

Вадим тогда жестоко обиделся на старика и на мать. На деда — за то, что тот собрался умирать, на мать — что слушала его разглагольствования и не одернула. Он потом два дня с ними не разговаривал. Нет, Вадим знал о том, что люди умирают. Старики в поселке что-то больно часто повадились отхо-

дочь в мир иной. Но дед! Умирать он собрался... А внуку что делать? Куда топтать? Матери и сводному младшему брату он даром не нужен. Отчиму — тем более. Тот и слыхом не слыхивал, что у жены есть ребенок не от него, пока дед однажды не появился погостить на пару дней к дочке. Скандал был знатный...

Вадим до восьми лет искренне считал стариков своими родителями, мать-кукушка до этого времени ни разу не отметилась в жизни сына. Хотя один раз отметилась — родила. Баба Поля часто сокрушалась, что слишком баловала непутевую дочь в детстве, прощала, когда следовало наддать ремнем, вот и выросло из Натальи не пойми что. Так всегда бывает, если в голове гуляет ветер — из пятой точки мозги в нее не вложишь. Воспитывать следует, когда ребенок помещается поперек кровати, а не тогда, когда он и вдоль не влазит. Упустила она дочь, упустила. Трех сыновей вырастила, а дочь не смогла. Не вложила разум в непутевую голову. Уехав в город, поступать в институт, Наталья пустилась во все тяжкие, нагуляв на втором курсе ребенка. Предполагаемый папашка, узнав о беременности подруги, моментально исчез за горизонтом, бросив ее наедине с растущим животом. Наталья недолго горевала, решив вопрос кардинально. Зачем самой мучиться, менять пеленки, ночей не спать, если есть родители? Ей надо личную жизнь устраивать...

На пятом курсе она удачно выскочила замуж за сына какого-то нового русского. Молодожены получили в виде свадебного подарка тур по Европам, японский джип и магазин. Магазин принес проблемы с «крышей», но свекор помог и тут, разрулил острые вопросы. Наталья быстро освоилась в роли хозяйки, держа в ежовых рукавицах и мужа, и бизнес. Рожать она не думала, но уступила просьбе свекра, мечтавшего о внуке. Антон был долгожданным ребенком, став баловнем и любимцем семьи. А Вадим? А что Вадим — так, с боку припека, ошибка молодости. Денег и есть не просит, на шее не сидит, старики с ним справляются — и ладно. Одним словом — отрезанный ломоть. В свидетельстве о рождении, в графе «отец» у него зиял жирный прочерк, отчество он получил в честь деда, ставшего ему и отцом и дедом в одном лице. Вадим Михайлович Белов — звучит гордо!

Так получилось, что, кроме стариков, никому он был не нужен. Детство и юность Вадим провел в тайге. Сначала дед водил его по грибным и ягодным местам, а когда ему исполнилось десять лет, стал ходить за грибами сам. Михаил Пантелеевич не

уставал повторять, что в тайге с голоду умрет только ленивый. Лес прокормит, обует, оденет, надо только знать, что и где взять. В советские времена в Таежном были мощный лесхоз и пчелосовхоз. Люди зарабатывали приличные деньги, лес и дикоросы шли на экспорт, никого в поселке не удивляла импортная бытовая техника. Мед на пасеках уходил моментально, заготконторы выстраивались в очередь. Куда что делось в девяностых?.. Первым развалился пчелосовхоз, «полосатые мухи» оказались никому не нужны, пасеки в мановение ока стали нерентабельны, заготовители забыли дорогу в поселок. Имущество совхоза тихой сапой растащили по домам. Под эту марку дед приобрел пару медогонок, деревообрабатывающий станок и установку для стяжки бочек. Оплатой послужила четвертьведерная бутылка чистейшего первача. Лесхоз агонизировал дольше. Но и его постигла печальная участь. Из всех производственных мощностей уцелела лесопилка, перекочевавшая в собственность бывшего директора лесхоза. Люди, оставшись без работы, подались в города, многие спились. Из крепкого поселка Таежный превратился в вымирающую деревню. В девяносто восьмом закрыли больницу, реформировав ее в фельдшерский пункт. Благо школу отстояли, но дамоклов меч постоянно висел и над ней. Отдел образования, обеспокоенный наполнением классов и возрастом преподавателей, грозился закрыть школу, а учеников перенаправить в Благодатное, но отсутствие автотранспорта и мест в интернате заставляли чиновников повременить с закрытием.

Дед осуждающе смотрел на спившихся сельчан, приговаривая, что так опуститься могут только слабые духом и ни к чему не годные люди. Лес набит деньгами — приложи усилие, и они перекочуют в твой карман. Зверь, грибы, орехи, голубица, жимолость, калина, лимонник, брусника, женьшень, березовые веники, на худой конец. На рынке килограмм соленых груздей стоит от пятисот до шестисот рублей; особо не напрягаясь, те же грибы можно продать торгашам за триста целковых кило, причем они сами приедут в поселок, погрузят товар и спасибо скажут, никаких тебе транспортных расходов. Те же груздь и волнушку влет разбирают хозяева расплодившихся ресторанов. Отдельной статьёй проходят мед и кедровый орех — чем не источник дохода? Если с орехом сложнее, урожай у него раз в четыре года, то «мухи» каждый год жужжат. Липы и бархата в округе полно, надо руки, растущие из правильного места, и терпение иметь, да товар подать красиво. Чтобы последнее

утверждение стало былью, а не мифом, Михаил Пантелеевич сам мастерил деревянные бочонки на три, пять и десять литров — зима длинная, есть чем заняться. Мед заливался в бочонки, приобретая тот самый товарный вид, после чего сплавлялся в город. Хозяева одной торговой точки, с которыми скентовался шепутной старик, клюнули на оригинальную тару и недорогую закупочную стоимость товара. Да, бывало, они задерживали выплаты на пару-тройку месяцев, медок и грибы раскупали не сразу, но свою маржу дед Михаил имел всегда. С ягодой, кроме брусники, было хуже. Пока принесешь ее из тайги, да довезешь по буеракам и колдобинам до городского рынка, она превращается в кашу и ни на что, кроме киселя, становится не годна. Здесь требовался творческий подход. Варенье и джем неплохо котируются и поныне, хотя в магазинах полно свежих ягод и фруктов. Вари да закатывай в банки — вот баба Поля варила и закатывала. Дед и Вадим ходили в тайгу, таская до дому короба дикоросов. Сельчане втихую завидовали, но не пакостили. Михаил Пантелеевич, разменяв седьмой десяток, был крепче столетнего дуба, а размер его кулаков по-прежнему соперничал с погаными ведрами. Да внук у него вымахал на домашних харчах, как бык на комбикорме — на хромой козе не объедешь. Посему Беловых старались не задирать, себе дороже.

Задевать не задевали, но многие кумушки, стоило Вадиму подрасти и войти в возраст, принялись строить относительно него матримониальные планы и настропалять подрастающее поколение невест. А что: парень крепкий, видный, мужской красотой не обделен, чем не жених? Зарабатывает — не дом будет, а полная чаша. На далеко идущие планы мамаш несостоявшийся жених клал с прибором, строя из себя тупого пня и делая вид, что намеков он не понимает. Благо баба Поля и дед, своими словами, видя алчный блеск в глазах некоторых особ, подробно просветили внука в вопросах взаимоотношения полов и того, что из этих взаимоотношений вытекает. Еще в пять лет, когда мальчик разглядел в бане разницу между «пистолетиками» и начал задавать наводящие вопросы, дед рассказал ему, откуда дети берутся. Старик не был ханжой и считал, что младенцев в капусте находят только идиоты... Сам Вадим ночную границу между мальчиками и девочками переступил в девятом классе с одной одиннадцатиклассницей. У Валентины относительно него не было никаких планов, кроме как хорошо и весело провести время. Кто-то мог сказать, что девица польстилась на малолетку, если бы малолетка не был крупнее и выше боль-

шинства одноклассников обольстительницы. Встречались они до самого лета, потом у Валентины были ЕГЭ, выпускной и старый «москвич», отвезший девушку в город. Больше они не виделись. Вадиму сильно не хватало веселой и страстной в постели подруги, он не мог сказать, что это — любовь или что-то близкое к ней. Скорее привычка, но девушка успела стать частью его жизни, и тут ее вырвали с корнем. До окончания школы у него было несколько свиданий с другими девушками, раза три — секс. Но ни с кем он не встречался больше двух раз. Подруги хотели продолжения отношений — он не хотел...

Время пролетело быстро, под крылом стариков он дождался выпускного. Окончив одиннадцатый класс и получив результаты единого государственного, провожаемый строгими наказаниями и добрыми напутственными словами, снедаемый радужными перспективами, парень поехал в Хабаровск. Планов было море: как бы ни хаяли деревню и отсталость местечковых педагогов, многие забывают, что в старых школах преподают учителя советской закалки, которые могут и умеют преподносить, а если непонятно, то вдалбливать знания в головы учеников. Результаты ЕГЭ позволяли надеяться на бюджетное место в политехе или «железке». Сам Вадим окончательно не определился в выборе профессии. Можно было пойти в медицинский университет, но там требовалось знание химии, которого в Таежном, к сожалению, почти не дали. Сказались-таки отсталость деревенских общеобразовательных учреждений и нехватка преподавательского состава.

До краевого центра Белов-младший не доехал. ДТП, в которое угодил коммерческий микроавтобус в тридцати километрах от города, перечеркнуло мечты будущего студента. Через два месяца, проведенных в больнице, он, прихрамывая, вернулся домой.

Дед сдал. Вадим тогда до самой глубины души поразился произошедшим с родным стариком изменениям. Из крепкого столетнего дуба за какие-то два месяца Михаил Пантелеевич превратился в трухлявую, поеденную короедами развалину. Старик близко к сердцу принял беду внука, глубокие морщины проложили настоящие противотанковые рвы на его лице, кожа пожелтела, став похожей на древний пергамент. Вадим стоял у порога и судорожно сглатывал комок в горле, глядя в белесые, слезящиеся глаза деда. Баба Поля на фоне мужа выглядела огурчиком, но и ее беда не обошла стороной. Бабушка постоян-

но бросала на мужа полные боли и переживаний взгляды, она еще больше ссутулилась, выступающие вены на ее ногах стали синее, связавшись многочисленными узелками, пальцы натруженных рук обзавелись шишками на суставах.

— Приехал. Живой, слава богу! — проскрипел дед. — Проходи за стол, неча дверь-то подпирать, чай, не отвалится. Садись, Вадимка, поснедаем, чем бог послал, отметим выздоровление.

Вадим, перекрестившись на красный угол, прошел к столу, на который баба Поля наметала нехитрый обед, выставила салат из огурчиков и помидоров, подкрепив его нарезанной колбаской и запотевшей чекушкой водки. Обедали молча, дед не признавал разговоров за столом, свято блюдя принцип глухоты и немоты во время еды. Одолев с помощью внука и жены «беленькую», Михаил Пантелеевич дождался, пока они завершат трапезу, вытер руки рушником и вперил взгляд ставших подслеповатыми глаз в младшего члена семейства:

— Гуторь.

— О чем, деда?

— Ить, совсем нема слов? Куды таперь, в армию? Институ-ты нонеча промуханы, да не твоя вина в том. Жди повестки.

Вадим покачал головой:

— Нет, не годен я к строевой — хромые армии без надобности. Был я в комиссариате, через месячишку за военником поеду.

— От оно как. Какие планы?

— Какие могут быть планы, дед? Планы отложены на следующий год, пока дома буду. Денег подзаработаю. Сено косил? Чувствую, что нет. Дед, ты извини, но работник из тебя сейчас никакой.

— Цыть! — Старческий кулак так стукнул по столу, что посуда, жалобно звякнув, подпрыгнула на месте. — Не твое собачье дело решать, работник я или нет!

— Не гоношись, пень старый, побереги себя. — Баба Поля сурово посмотрела на мужа, дед моментально сдулся. Спорить с Полиной в такие моменты было себе дороже. — Не слушай его, сынок. Хорошо, что тебя выписали. Я уже и не знала, за что хвататься...

Сено пришлось покупать, благо у Вадима оставалось больше половины взятых с собою средств, да старики не растрясали кубышку. Рулоны под навес пришлось перекачивать в одни руки. Как бы дед не ерничал и не хорохорился, уставал он быстро, к тому же у него появился нехороший кашель. Сено, комбикорм для скотины, картошка, все хозяйские дела, требующие

силы, полностью легли на плечи внука. Вадим убрал и перетаскал в сарай созревший урожай, перекопал огород. Навоз — куда без него с коровой, бычком и двумя пороссями, — также перекочевал на Вадимовы вилы. Стайки приходилось чистить каждый день, и как старики справлялись без его помощи?

После приезда внука дед вроде потихоньку пошел на поправку. Освобожденный Вадимом от тяжелой работы, он занялся пчелами и садом. Особое внимание старика привлекало деревце, выросшее рядом с облепихой. Михаил Пантелеевич лелеял мечту сделать весной несколько отводков, проверить, пустят ли они корни, уж больно ему понравилось неизвестное растение.

Если быть точным, тонкий серебристый росток, проклюнувшийся посреди кучи прелой травы и листьев, которые специально складывали под колючие кусты, Вадим заметил еще в начале июня. Поначалу он хотел вырвать сорняк, но, приняв хавшись к медовому аромату, идущему от нежных зеленых листиков ростка, решил повременить с кардинальным решением. Интересно, может, это и не сорняк вовсе? Дед, которому было указано на серебристого новосела, согласился с мнением внука. Если что, топор всегда под рукой, срубить никогда не поздно. Тем паче старый экспериментатор хотел посмотреть, как на медовый аромат будут реагировать пчелы, для чего съездил на пасеку и привез тройку ульев. «Мухи» к инициативе пчеловода отнеслись благосклонно. Им явно пришелся по вкусу нектар, выделяемый по утрам и вечерам листиками деревца с бархатной, серебристой корой, которое к середине июля вымахало до трех метров в высоту, выстрелив во все стороны множеством тонких веток и обзаведясь красивой зеленой шапкой.

Так, в домашних заботах и хлопотах, пролетели остаток августа и почти половина сентября. Победив огород, Вадим отправился в тайгу. Он не оставил планов на высшее образование, по-прежнему мечтая поступить, теперь он определился точно, в медуниверситет. А для поступления требовались деньги на репетитора. Зима впереди долгая, есть все условия, чтобы подтянуть знания по химии. Брать деньги у стариков не позволяла совесть, от матери помощи ждать бесполезно, значит, необходимо крутиться самому. А как крутятся таежники? Правильно — грибы, орехи, ягоды и дичь.

Тайга, как на горе, совсем не радовала в этом году груздями: приходилось часами ходить по грибным местам, чтобы нарезать пятиведерный короб. Лимонник тоже не уродился. Оста-

валась надежда на орехи — шишки на кедре было море¹, поэтому Вадим заранее сговорился с ватагой поселковых мужиков, приготовил молотилку с моторным приводом и сита. Молотилка была его персональной гордостью, как и привод, цепляемый к переделанному заднему колесу «Минска». Раньше шишковать он ходил и ездил с дедом. Но в связи с новыми обстоятельствами стоило скооперироваться с парой-тройкой надежных мужиков. Чревато соваться в лес и лазать по кедром одному, были случаи, когда одиночек находили между ветками через два, а то и три года после пропажи. Зачастую муравьи успевали объесть незадачливых шишкарей до блестящих косточек. Да много ли возьмешь в одного? Гораздо легче разбить стан и работать группой. Чем шишку в одну харю палкой сбивать, лучше на толпу кедрину аккуратно, чтобы не сбить кору, обстучать колотом².

Планы-планы... сколько бы ты ни планировал, не стоит забывать, что на твои предположения всегда могут лечь чужие расположения. Бегая за груздями, Вадим не чурался резать жарешники. Белые, подберезовики, подосиновики и маслята неплохо дополняли ежедневный рацион. Хотя большая их часть попадала в банки — зима длинная, а маринованные грибочки в морозный день у теплой печи расходились влет. Иногда грибник заходил к соседке — бабке Ширшихе. На самом деле Пелагея Матвеевна носила фамилию Ширшова, но, как водится, за глаза ее звали именно так, иногда добавляя Ширшиха-ведьма. Вадим искренне не понимал такого отношения сельчан к одинокой бабусе. Она никому не отказывала в помощи и никогда ни с кого не брала денег. Стоило только медицине дать на ком-нибудь сбой, а врачам — беспомощно развести в стороны руками, как люди вспоминали о старой деревенской знахарке и шли на поклон к нелюбимой и нелюдимой односельчанке.

Никто не знал, сколько Пелагее Матвеевне лет, на памяти Вадима она всегда была сморщенной бабуськой невысокого росточка. Дед иногда говорил, что в молодости та была огонь-бабой и многие мужики старались добиться внимания красивой молодки. Но то было, когда он сам босиком носился по лужам, а в памяти сей факт отложился потому, что мать часто кричала на отца, чтобы тот не зарился на бесстыжую соседку.

¹ Шишки на кедре было море (*диалект.*) — имеется в виду богатый урожай, большое количество шишек на кедрах. — *Здесь и далее примеч. авт.*

² Колот напоминает большую дубину, считается браконьерским приспособлением, так как при сильных ударах по стволу кедра повреждается кора дерева.

С тех пор утекло немало воды, Пелагея схоронила мужа и двоих детей, четверо младших сыновей и внуки уехали из поселка лет тридцать назад, после отъезда ни разу не навестив мать, правда, иногда отмечаясь редким письмом. Где и как они живут, никто не знал, а Ширшиха не говорила. Со знахаркой Вадим познакомился в семь лет. Случилось это после того, как он навернулся с груши и вывихнул правое плечо. Баба Поля не раздумывая повела хнычущего внука к соседке, справедливо рассудив, что в фельдшерском пункте, в котором два года как отсутствовал хирург, особой помощи не дождешься. Ширшиха осторожно пощупала тонкими пальцами отекавшее плечо мальчика, что-то пошептала, велев бабе Поле налить в таз теплой воды и подать ей мыло. Намылив руки, она несколько минут водила ладонями по плечу Вадима, который с интересом следил за угрюмой соседкой, тут в ее руке будто сам собою возник киндер-сюрприз.

— Держи, — сказала знахарка. Вадим потянулся за лакомством левой рукой. — Нет-нет, другой ручкой, давай. — Она улыбнулась доброй открытой улыбкой, обнажив на изумление белые и крепкие зубы, что было удивительно для древней старухи. Не понимая, что делает, забыв о боли, он потянулся правой. В плече щелкнуло, резко стрельнуло болью, и тут же все прекратилось.

— Молодец, — сказала Ширшиха, потрепав «пациента» по голове, глядя, как тот снимает с шоколадного яйца обертку, всю пользуясь правой рукой. — Не болит ручка? Вот и ладненько, не падай больше.

С тех пор мальчишка стал захаживать к бабке: то грибов ей принесет, то ягод, иногда помогал по хозяйству — дров наколоть или забор поправить. Сплетницы судачили, мол, приворожила старая карга беловского внука. Дед и баба, слушая досужие пересуды, поплеывали в сторону. Ходить к знахарке они не запрещали.

В тот день парень, набрав ведро молоденьких подберезовиков и маслят, решил проведать соседку, а то что-то долго она не показывалась на улице и в огороде. Не заболела ли, случаем?

Ширшиха, сжавшись в позу эмбриона, лежала на старом, продавленном диване, в доме было не топлено, в воздухе витал тяжелый дух ожидания смерти. Увидев Вадима, она с трудом разомкнула губы и протянула ему руку.

— Возьми, — прошептала она. В глазах старухи плескались невероятная горечь, боль и тщательно скрываемая надежда. Ва-

дим отступил на пару шагов назад. — Возьми, возьми, **ВОЗЬМИ!** — запричитала знахарка. — **ВОЗЬМИ!** Ты можешь, возьми!

Уже понимая, что еще не одну сотню раз пожалеет о необдуманном поступке, он шагнул вперед, протянул руку и коснулся маленькой старческой ладошки. Пальцы пронзило электрическим разрядом, лицо Ширшихи расслабилось, казалось, она помолодела на четверть века.

— Благословляю. Не греши, — тихо сказала знахарка, — деньги в верхней полке... Иду, Сема...

Бабка, лицо которой стало необыкновенно умиротворенным, повернулась на спину, сложила руки на груди и закрыла глаза. Грудь ее несколько раз поднялась, на пятом или шестом вдохе остановившись окончательно. Пелагея Матвеевна умерла...

— Матвеевна умерла, — огорошил Вадим деда, переступив порог дома.

— Царствие небесное, — набожно перекрестилась баба Поля.

— Я ей грибов хотел... а она...

Знахарку похоронили в дальнем, старом конце кладбища рядом с заброшенной, заросшей бурьяном могилкой, на медной табличке креста которой, поднапрягшись, еще можно было прочитать: «...Семен Аристархович Ширшов род. 07V...95...», дата смерти идентификации не поддавалась, как и эпитафия под ней. На новом деревянном кресте была приделана табличка с фамилией усопшей и датой смерти; когда Пелагея Матвеевна родилась, так и осталось тайной, ни паспорта, ни каких-либо метрик в доме не нашли. Документы как сквозь землю провалились. Вадим подозревал, что она ненамного моложе покойного мужа и давно перешагнула вековой юбилей. На почте он отбил несколько телеграмм на адреса, указанные на конвертах, обнаруженных в верхней полке комода рядом с похоронными деньгами. На похороны приехал младший сын с внуком. На вид сыну было далеко за шестьдесят, да и внучок разменял четвертый десяток — здоровенный мордатый детина за рулем крутого японского джипа.

Внук знахарки развил бурную деятельность: никто в поселке и моргнуть не успел, как старый, но крепкий дом покойной и обширный земельный участок с протекающим через него ручьем и подступающим сосновым бором переключались в собственность ушлого потомка. Дед осуждающе проскрипел, что некоторые алчные выродки умеют маскироваться под людей, но

смерть предков расставляет все по своим местам: денег куры не клюют, а на достойный памятник копейку зажал. Дрянь челове...

В конце сентября случилось то, чего Вадим боялся больше всего на свете...

Не было ни предчувствия, ни пресловутых болей в сердце и душе, ничто не говорило, что должно что-то случиться. По привычке он проснулся в половине седьмого. В это время баба Поля обычно успевала подоить корову и похлопотать на кухне, но сегодня в доме было необычайно тихо. Прислушиваясь к натужному мычанию Зорьки, Вадим вышел на порог. Странно, свет в стайке не горел. Так-так... он прошел в летнюю кухню и наткнулся на полные бадьи запаренного с вечера комбикорма. Скотину никто не кормил. Похолодев, парень рванул в дом.

Дед и баба, обнявшись, лежали на кровати. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они больше никогда не проснутся. Вадим тихо съехал на пол, уперевшись лбом в колени. Сбылась мечта старика, пусть он и умер не с газеткой в руках, сидючи на унитазе. Смерть пришла к нему во сне, забрав с собой и его и любимую супругу. Безносая поступила в высшей степени гуманно, взмахнув косой один раз на двоих, не мучая их старческими болячками и не вгоняя в маразм.

Вадим сидел в дверном проеме, безучастно смотря перед собой. Дед и баба ушли, а как же он? Что ему делать? Как бы его ни воспитывали, ни приучали к мысли о смертности родных и близких, ни напоминали, что Смерть может прийти в любой момент, она явилась, как всегда, неожиданно. Да, ее ждали, но не в этот день и не в этот момент. Он не дождался, привыкнув, что за спиной есть кто-то, кто направит и посоветует, тот, на кого можно положиться и кому можно пожаловаться на превратности судьбы и несправедливость жизни. Они ушли... он остался, теперь ему одному противостоять проблемам и превратностям судьбы, не надеясь на помощь и доброе слово от родного человека. Теперь он один...

Вадим тяжело поднялся и, еле переставляя ноги, поплелся к соседке. В груди было непривычно пусто. Тетка Лариса моментально заподозрила неладное, услышав новость, ахнула, прикрыв рот ладошкой. Благодаря ее помощи он как-то пережил первый, самый трудный день. Дальше не было легче — нет, просто на парня свалились все хлопоты по хозяйству, не дав горю захватить его полностью. Перемежая дойку и кормление, он носился «по инстанциям», прося, требуя, оформляя и опла-

чивая, отправляя телеграммы родственникам и пытаюсь дозвониться матери. Вечером второго дня порог дома переступил представительный мужчина в осеннем плаще и костюме-тройке. Гость оказался нотариусом; оказывается, старики в августе месяце, за неделю до выписки внука из больницы, составили завещание, коим оставляли все Вадиму, признав его единственным наследником. В собственность парня переходили дом, земельный участок, коллекция серебряной, еще царских времен, утвари и старинные Библии, стоимость которых он даже не брался предположить — ясно, что много, и сто пятьдесят тысяч рублей, заблаговременно снятых с книжек.

«...Не то черви, сынок, что мы едим, а то черви, что нас едят... Предай нас огню... Прах к праху, лучше удобрить пеплом медовое дерево у облепихи, чем накрывать стол червям, обойдутся без меня, вот и Полина о том же глаголет... Перед Богом все равны...» Вадим читал последние строки эксцентричного дедовского наказа и не видел слов, слезы застилали глаза. Мужчины не плачут... — плачут и еще как, только тихо, в кулак, в глубь сгораемой юности...

На похороны не смог приехать только средний сын деда — дядька Валера. Валерий Михайлович жил в Питере, он обещался прилететь на девять дней, меж тем оформив денежный перевод на двадцать тысяч рублей. Виктор и Сергей Михайловичи приехали с женами, вечером третьего дня нарисовалась и мать. Одна. Ее благоверный никогда не пылал любовью к старшему Белову, ни при жизни, ни после смерти. Мать напомнила Вадиму мордатого внука Ширшихи, когда попыталась заикнуться о продаже дома и наложить лапу на столовое серебро, но ее корысть была жестоко обломана сыном. Из дедовского наследства он передал дядьям и матери по одной Библии и на этом закрыл тему. Мать манерно обиделась, на что Сергей Михайлович указал, что на обиженных воду возят; на этой ноте она прекратила всяческие поползновения отхватить куш. Строго следуя завещанию, Вадим пригласил священника и сложил в дальнем конце огорода громадный погребальный костер, на который ушло три машины дров.

Жаркое пламя облитых соляжкой поленьев скрыло гробы. Красные языки проводили души на небеса. Сельские сударушки не преминули почесать языки про последние похороны — Беловы и живыми были не совсем от мира сего, стараясь выделиться из общей массы, и после смерти отличились. Все у них не как у людей: надо же устроить представление, показать, ка-

кие они особенные... Вадиму было плевать на кривотолки — потреплются и перестанут. Пепел погребального костра удобрил землю у медового дерева с серебристой корой, там же появились два аккуратных мраморных надгробия, извещавших — «родился... умер...», а сударушки пусть треплются...

Все проходит. Постепенно парень втянулся в суровые будни деревенского бобыля. Ему было не привыкать справляться по хозяйству, за пару скорбных дней он незаметно для всех превратился из недоросля в самостоятельного взрослого мужчину, которому по плечу преодолеть житейское море. После похорон пришлось корректировать планы на осень и зиму. Вычеркнутым оказался пункт, согласно которому намечался калым на кедровых орехах. Выезд в тайгу предполагал занять пару недель, но корова, свиньи и пчелы никак не вписывались в сие расписание, поэтому от орехов пришлось отказаться. Покупателей на пчел тоже не нашлось — кому охота выкладывать деньги за семьи, не зная, как они перенесут зиму? Мало ли хозяин говорит, что протравливал и обрабатывал — клещ и обработанных пчел уничтожал за милую душу. Наступит весна, там ясно будет. Вадим прикидывал и так и эдак, по всему выходило, что от коровы к лету придется избавляться, никто не будет ухаживать за чужой животиной, пока хозяин постигает азы науки. Только что делать с домом? С посудой и Библиями проще, их можно сдать в какой-нибудь банк на хранение, а дом ни в одну ячейку не влезет, продавать он его не собирался. Сдать бы кому-нибудь внаем, но кому? Сплошные вопросы, и никаких ответов или подсказок на оные. Не надумав ничего конкретного, он решил сначала дожить до весны, а там вернуться к назревающей проблеме.

Пока суд да дело, потихоньку пополнялись бочки с груздями, осень выдалась теплая, и парень старался урвать причитающееся. На соседнем участке появились строители. Внучок Ширшихи подозрительно долго крутился у дома бывшего директора лесхоза: к бабке не ходи — мордатый владелец японского внедорожника стал обладателем лесопилки, иначе зачем ему понадобилось строительство нового дома? Приезжие оказались иркутянами. Фирма с берегов Байкала специализировалась на строительстве домов из оцилиндрованного бревна. Местные пророчицы в кои-то веки оказались правы — лесопилка и деляна под вырубку сменили хозяина. Мордатый быстро перетасовал кадры, поменяв таежнинских мужиков на китайских гастарбайтеров, готовых работать за сущие копей-

ки в самых нечеловеческих условиях. В поселке и так было туго с работой, а тут последний законный заработок уплыл на сторону. Мордатуму намекали не злить лихо: в каждом первом дворе имеется ствол, а то и несколько, да через один — нарезные, но тот чужих советов не слушал и не обращал внимания на затаивших злобу безработных лесорубов. Китайцы моментом понаставили на пятнадцать километров вокруг деляны капканов и петель, хищнически уничтожая дичь. Охотники из местных пару месяцев терпели, но в конце концов навестили южных соседей. Под блеск вороненого металла они потребовали унять аппетиты, в противном случае никто не гарантирует пришлым браконьерам, что пуля-дура не спутает их с каким-нибудь редким зверем. А там — тайга большая, поди разберись, кто стрелял... Петли и капканы исчезли через три дня, русский язык, как оказалось, понимают все без исключения, если он подкреплён соответствующими доводами, а то, что китайцы рубят лес, так это их хозяин на лесоповал загнал, а кушать каждый хочет, китаец он или русский Ваня, тут к трудолюбивым работникам нельзя придраться.

Поселковые и мировые новости проплывали мимо сознания Вадима, разум которого был занят другими вещами. Без внимания остались статьи в газетах и телепередачи, освещающие строительство таинственных порталов в Индии и соседнем Китае. Сельчан не трогали победные реляции, посвященные открытию новых заводов на Урале и западе России, ветер пропагандируемых перемен дул как-то мимо дальневосточной глубинки и никак не отражался на благосостоянии простых россиян. Ну, строят что-то там в Комсомольске-на-Амуре, так до того строительства полтыщи верст раком по буеракам. Парень активно зубрил школьный курс органической и неорганической химии. Нанятая им старая школьная учительница, лет десять как ушедшая на заслуженный отдых, поражалась упорству Белова-младшего, от всего сердца желая нанимателю успешно поступить в намеченное учебное заведение.

В январе в Таежный приехали дедовы знакомцы из Хабаровска. Узнав, что Михаил Пантелеевич почил в бозе, они сперва опечалились, как же — коммерсанты надеялись отовариться лесными разносоломи, но внук почившего успокоил покупателей. Есть, мол, партия товару в количестве пяти столитровых бочонков. Парни тут же обрадовались, озвучив закупочную цену, оказавшуюся несколько ниже той, по которой они работали с дедом. Чего греха таить, на сто рублей за килограмм

ниже. Видно, рассчитывали, что молоденький хозяин берлоги в дремучем углу польстится на общую, довольно приличную сумму. Но молодой медведь оказался совсем не тем косолапым увальнем, которого в нем увидали. Вадим покивал, улыбнулся и вытурил незваных гостей за калитку. Езжайте, гости дорогие, туда, откуда приехали; за те смешные деньги, которые вы предлагаете, он сам свезет грузди в город и продаст по четыре сотни за кило. Или вы рассчитываетесь по заранее оговоренной с дедом таксе, причем сразу, а не после продажи товара, или уматывайте. Купцы удивились озвученным условиям: почему сразу? За наглость. Да будет им известно — хрустящие дары леса третий год собираются исключительно им, и дед не делал для внука никаких коммерческих тайн. Победила молодость. Несколько расстроенные любители соленого сначала не хотели слушать про мед, но были сражены наповал запахом и вкусом сладкого товара из «особливых» туесков. Дед успел откатать по бидону из трех ульев, ради эксперимента выставленных в огороде рядом с «медовым» деревом. К тому времени Вадим продал большую часть меда, взятого с семей на пасеке, по бросовым ценам скупщикам из районного центра, придержав главный товар. Чуть белесый, карамельного цвета медок до одури пах летом, бархатом и солнцем, плавно тянулся за ложкой, переливаясь золотистыми искрами. Золото, а не мед... Опять победила молодость. Купцы выставили мировую, переночевали у молодого и не по годам ухватливого продавца и по зорьке двинулись обратно. Почему-то Вадим не сомневался, что «особливые» туески вряд ли будут выставлены на витрину — разойдутся по друзьям и знакомым в виде дорогих подарков. Себе он оставил один молочный бидон.

Долго ли, коротко ли, просвистел ветрами февраль, Зорька отелилась голенатым телком, на завалинках потемнел и осел снег. Строители с берегов Байкала закончили возводить хоромину мордотому внучку и теперь подводили верхние венцы бани, вставшей в пятнадцати метрах от дома у излучины ручья. Соседями они оказались хорошими и не пакостливыми. Бригада иркутян работала давно и была на диво сплоченной — мужики стояли друг за друга горой. К слову, сдать объект они рассчитывали к концу января, успев до морозов залить фундаменты дома и бани, но форс-мажоры со снегопадами и общая удаленность Таежного от железной дороги существенно сдвинули сроки окончания стройки. Пришлось мужикам задержаться. Сказать, что у них не было конфликтов с местными задиристы-

ми петухами — значит соврать: были и гулянки и мордобои. Как всегда, делили не водку — баб. Вадиму причины были не интересны. Он, к собственному удивлению, разбирался с последствиями...

Первый раз ЭТО случилось второго января. Поселок гулял. Кто из россиян не любит Новый год? Сложный вопрос; народный праздник требует народных гуляний, но не выносит излишних возлияний. В любом случае найдутся те, кто нажирается больше, чем может выпить, но меньше, чем хотел. Таким господам окрестные моря становятся ниже шиколотки, а душа требует простора. Один из таких «распростертых» топал на автопилоте мимо дома Ширшихи, совсем некстати вспомнив учиненные пришлыми строителями обиды. В роли яблока раздора в этот раз выступала эфемерная то ли Елена Прекрасная, то ли Манька Грудастая с Заречной улицы. Вспомнить-то он обиды вспомнил, но доказать их и наказать виновного в личных горестях не смог. Иркутяне ласково проводили незваного гостя. Как ласково? Синяк под глазом у того был почти не виден. Носитель блеклой подсветки, как мультипликационный Карлсон, обещал вернуться. Через час у калитки будущего особняка ошивался пяток «привидений с моторчиком», в смысле таких же синих и прозрачных, стеклых как трезвышко охотников до молодецкой забавы — кулачного боя. На всю улицу сыпались угрозы, иркутянам предлагалось ответить за базар. Слово за слово и пару пузырей подогрева — завязалась потасовка между самими правдолюбцами. Драчунов вынесло к дому Вадима, где они расставили точки над «и», проверили целостность физиономий, перетерли по понятиям и решили выпить по мировой. Где брать мировую? Да вот же дом, попросим хозяина, он нальет... но хозяин наливать отказался... Ах ты ж, сука, своих не уважаешь? Вадим «приласкал» троих, не сходя с места. Может, он и охромел после аварии на одну ногу, но кулаки у него меньше не стали, и стать беловская никуда не делась. Один из стукнутых свалился на землю, зайдясь в припадке. Назревающая драка затихла сама собой. Тут на Вадима накатило: он, придавив коленом припадочного (им оказался Кирилл Нежданов, старший брат одноклассника Вадима, был он лет на пять старше самого хозяина дома), положил ладони ему на голову и подержал с десятков секунд. Парень перестал дергаться, чуть-чуть полежал на снегу и открыл совершенно трезвые глаза.

Кто первым сказал «колдун» — неизвестно, но шепоток быстро разнесся по замершей толпе. Драчуны растеряли пыль и

предпочли ретироваться. Кто знает, на что способен беловский выродок — найдет порчу, доказывая потом, что не верблюд. У короткой драки, оказывается, был еще один свидетель...

На следующее утро Вадим, покормив Зорьку, выходя из стайки, столкнулся с бригадиром иркутян...

— Доброе утро, — первым поздоровался Вадим, чувствуя нутром, что Геннадий Михайлович Фомин, бригадир строителей и тезка по отчеству, пришел не просто так. Строители, пока Зорька не ушла в запуск, покупали у парня молоко, в связи с чем он быстро со всеми перезнакомился. Пожилой, тертый жизнью калач, Фомин несколько заискивающе и робко смотрел на парня.

— Доброе, Вадим Михайлович, — проявил вежливость гость.

Хм, что-то новенькое, точно к ночи снег пойдет; гордый, знающий себе цену командир пришлых варягов снизошел до величания молодого пацана по отчеству...

— Проходите в дом, там скажете, что вас привело ко мне ни свет ни заря.

— Спасибо.

Войдя в дом, гость стрельнул глазами по сторонам, перекрестился на красный угол, который Вадим оставил нетронутым после смерти деда и бабушки, и в некой нерешительности остановился у шкафчика для верхней одежды.

— Не стойте у порога. Чай, кофе или, может, что покрепче?

— Спасибо, от кофе не откажусь. Э-э, две ложечки сахару, забеливать молоком не надо.

— А коньяком?

— Не стоит, — улыбнулся бригадир на легкую подначку.

Вадим на секунду замер у кухонного гарнитура. До него только что дошло, что гость предстал перед ним с чудным цветным переливающимся ореолом вокруг тела, а сам он откуда-то понимает значения цветов. Удивляться сил не было, эмоции кончились вчера. Бессонной ночью он долго думал и сопоставлял эпизоды вечерней драки и накатившей на него потребности помочь болезному односельчанину. Все логические выводы так или иначе приводили к бабке Ширшихе, когда он не хотел брать НЕЧТО, предлагаемое умирающей соседкой, зная, что не простой дар она отдает. Тряхнув головой, словно отгоняя мошкар, парень плеснул в кружки кипятка, после чего наметал на стол пару вазочек с различным печеньем и поставил розетки с

медом и земляничным вареньем. Бригадир сидел за столом с каменным лицом, молча наблюдая за манипуляциями хозяина.

— Прошу, не побрезгуйте угощением, — вспомнив одну из любимых дедовых присказок, сказал Вадим.

— Благодарствую. — Иркутянин был предельно серьезен. Отдав должное великолепному меду и душистому, с запахом лета, варенью, мужчина перешел к сути визита: — Вадим Михайлович, вы колдун?

— Вы верите в колдовство?

— Тогда по-другому: вы экстрасенс? И в колдовство не верю, я существо приземленное. Верю в вещи материальные, которые могу пощупать руками или увидеть глазами.

— Тогда вы не по адресу, — ответил Вадим, которого начал утомлять только что начавшийся разговор, — материальных свидетельств колдовства представить не могу.

Гость, видя резкую перемену настроения хозяина, пошел на попятную:

— Я видел, хм, ночной инцидент...

— Вот оно что! Чего же вы хотите от меня?

— Посмотри Сергея. — От волнения бригадир перешел на «ты».

— А что с ним не так?

История Сергея, парня двадцати трех лет от роду, оказалась проста, как мир. Не послушав наказа старших товарищей, тот поперся на дискотеку. Чужих девчонок он не цеплял и вроде уже успел познакомиться с несколькими поселковыми парнями, чтобы их считать пусть не друзьями, а почти корешами. Но разгоряченным алкоголем задирам это оказалось далеко до фени, как и заступничество земляков. Парня вызвали в темную подворотню. Драки не было. Сергея сбили с ног и несколько раз пнули. Один из ударов пришелся по позвоночнику. Парень на первый взгляд легко отделался, на теле у него не осталось даже синяков, так как пинавшие его сами были насиняченными до поросычьего визга. Но это на первый взгляд... Через месяц у него начали болеть руки, стала пропадать сила, пальцы разжимались сами собой...

— Приводите. — Вадим одним словом завершил разговор, поняв, что не может бросить человека один на один с подобной бедой. Оставался вопрос к строителям, почему они не обратились в фельдшерский пункт или не отвезли парня в город, техника-то у них есть... Ждали у моря погоды? Фомин поблагодарил за кофе, раскланялся и пошел к бригаде.

Прошло пятнадцать минут, лай Снежка возвестил о новом визитере или визитерах. А где ты был, сторож хвостатый, когда приходил бригадир? В конуре сидел, прохиндей? Почему не лаял?

Фомин пришел в компании троих подчиненных.

— У них тоже руки ослабли? — спросил Вадим. — Нет? Тогда я вас не держу. Сергей, останься. Калитку не забудьте закрыть.

Цветной ореол вокруг парня был блеклым, сильно проигрывая в яркости соцветию бригадира, на грудном отделе позвоночника больного поселилась серая клякса, в самом центре которой пряталась небольшая черная точка. Нашлась причина бед молодого человека... что с тобой делать-то, клякса с ножками?

Вадим тщательно вымыл руки с мылом.

— Разденься до пояса, — приказал он Сергею. — Верх съмай, штаны можешь оставить и ложись на диван лицом вниз.

Сергей, на которого неожиданно сильно подействовали хриплые, гипнотические интонации в голосе молодого экстра-сенса, впал в протрацию, на полном автомате скинул с себя свитер и футболку. Словно сомнамбула, на ногах-ходулях, он подошел к указанному дивану, плашмя плюхнувшись на него. Действуя по наитию, Вадим кончиками пальцев, едва касаясь кожи, покрывшейся мурашками, провел вдоль позвоночного столба парня. Подушечки едва ощутимо покалывало. В районе черной точки по рукам прошелся странный разряд, невольному доктору показалось, будто у него засветились ладони; Сергей болезненно вскрикнул.

— Лежи, не дергайся... — прошипел Вадим. — Терпи, казак... хм, на этом пока все. Одевайся. Придешь вечером. Возьми сменное белье.

Пациента не надо было упрашивать. Моментально облачившись, он чуть ли не бегом сбежал от страшного соседа, хлопнув входной дверью. Через пару секунд скрипнула калитка.

— Ну, Пелагея Матвеевна, ну, удружила. Век тебя помнить буду, — смахнув со лба крупные капли пота, сказал новоявленный знахарь. — И что мне теперь со всем этим делать, а? Я и так в чудиках хожу, только славы злобного колдуна мне для полного счастья не хватало... — Он посмотрел в окно, выходящее на бывший дом Ширшихи, сейчас там половина бригады обступила кругом его пациента, — по-видимому выпытывая подробности. — Не сиделось вам на берегу Ангары, ловили бы себе омуля; нет, приперлись...

День прошел тихо и буднично (зубрежка химии и биологии, повторение русского и английского языков), за исключением

того, что Вадим растопил баньку. Интуиция подсказывала ему — следующий этап лечения должен быть именно там. Сергей появился в половине восьмого вечера, провожали его будто на убой. Несчастный, сейчас его злобный колдун разберет на ингредиенты для зелий! Но ожидания подопечного со товарищи не оправдались. Вместо алхимической лаборатории его отвели в жарко натопленную баню, где хорошенько отхлестали веником, после чего, распаренного до одури, положили на пологе между парной и мойкой. На красную как у рака спину положили свежий березовый веник, ручку которого обстучали обушком небольшого топорика...

Вадим с чувством выполненного долга смотрел на свою работу. Черная точка исчезла, будто ее не бывало, серый цвет кляксы сменился на молодую зелень, да и сами границы бывшей мутной области расплылись и потеряли очертания, сливаясь со здоровым ореолом. Влив в Сергея сто пятьдесят грамм водки, он отправил его восвояси, наказав на неделю воздержаться от работы, в противном случае знахарь ни за что не ручается. Опьяневший от водки и от счастья парень, не чувствуя ставших привычными болей, рассыпался в благодарностях, сулил деньги, говорил, что он теперь должник до гробовой доски. Увидев протянутые ему мятые тысячные купюры, Вадим озверел, выхватил деньги, запихав их бывшему пациенту за пазуху, и на пинках выпроводил того из бани. Придурок, какой придурок...

— Ты прости его, — сказал утром Фомин, — не держи зла на Серого. Молодой он, глупый: не знает, что таким, как ты, взять деньги — грех. Мы лучше тебе беседку у ручья поставим, материала у нас навалом, хорошо?

— Как пожелаете, ты только не нагружай его с недельку, да вместо матраса пусть на досках поспит. — Почему на досках и почему неделю — Вадим и сам не мог сказать, но так было надо, так было правильно.

Через месяц, в последних числах февраля, Снежок остановил у калитки еще одного посетителя, прибывшего с берегов седого Байкала — Степана Загоруйко. Здоровенный детина, родители которого, коренные харьковчане, по комсомольской путевке приехали строить БАМ, да так и вросли корнями в сибирскую землю, работал у Фомина и крановщиком, и кровельщиком, и плиточником, и мастером на все руки. Степа серьезно сошелся с Тоней Павловой, сельской почтальоншей, миловидной тихоней среднего росточка. Кроме симпатичного личика и спокойного

характера у Антонины были два несомненных преимущества — красивая грудь и богатая коса, спускавшаяся ниже пояса. Несмотря на милый характер, холостячка Антонина который год давала всем потенциальным женихам от ворот поворот. Бабы уже начали говорить про нее нехорошее, но тут неприступная крепость почти сдалась... Под таким напором любая бы выбросила белый флаг. Ухаживал Степан красиво: дарил цветы, которые привозил после рейсов в город, встречал и провожал с работы и на работу (как ему Фомин спускал с рук прогулы?), на почте отремонтировал двери и перегородку, сколотил новый стенд. Местные мужики, наученные горьким опытом, делали ставки, когда Тонька запульнет ухажера куда подальше, но та не спешила радовать общественность. Эксперты сарафанного радио поголовно сходились во мнении, что начальнице почтамта надо срочно подыскивать новую работницу, ибо нынешняя не сегодня завтра помашет Таежному голубым платочком. Весна приближалась, любовная лихорадка набирала обороты. Уж кого-кого, а Степу встретить у порога Вадим ожидал меньше всего.

— Привет, Степан.

— Привет... — Загоруйко уперся взглядом в подтаявший сугроб у завалинки, покраснев, как маковый цвет. Как все запущено-то...

— Я это... — промямлил Степан.

— Степа, ты рожай быстрее, не тяни резину.

— Ну, это... лучше в доме...

— Понял, не дурак. Был бы дурак, не понял. — Вадим пригласил краснеющего мужика в дом, на всякий случай оценивая состояние его ауры и цветовую гамму органов. На первый взгляд все было в порядке, гость просто светился богатырским здоровьем. — Слушаю, Степан Борисович.

Загоруйко сорвал с головы шапку, принявшись переминать ее в громадных кулачищах, как застоявшееся тесто:

— Я это... — завелась волынка по второму кругу, — Вадим Михайлович, с девками... бабами у меня... того.

— Только не говорите мне, что ни разу еще не «того», — усмехнулся Вадим.

— Да нет, того, но у меня не того... не стоит, вот...

— Интересные пироги... а как же вы с Антониной?

— Ну-у, мы еще... она такая... ну-у... — Лицо Степана стало настолько пунцовым, что переспелые помидоры скисли бы от зависти.

— Ладно. — Вадим еле сдерживал себя, чтобы не рассмеять-

ся в голос. Похоже, у Степы был сдвиг в мозгах, и проблемы прятались в психологическом буреломе, в остальном здоровья у него было хоть отбавляй. — Помогу я вашему горю или счастью, тут как посмотреть. Железные деньги есть с собой?

— Есть. — Степан пошарил в кармане штанов, выудив оттуда три металлических десятирублевки. — Вот, больше нету; я сбегаю принесу еще, если надо.

— Стой. Куда собрался? Трех десятков хватит.

Вадим забрал у него монеты и демонстративно пошептал над каждой, после чего протянул их хозяину:

— Держи, я тут заговор сделал на мужскую силу, сошьешь в трусах кармашки, в них будешь вкладывать монеты. Трех дней хватит за глаза, чтобы все наладилось. Одна десятирублевка на один день; смотри, не переборщи, Казанова.

— Спасибо. — Загоруйко смотрел на блестящие дензнаки, как на величайшее сокровище. Да-а-а, припекло мужика: ни отпечь, ни пережарить. — До свидания.

Прошла неделя. Вадим пошел за хлебом в продуктовый магазин, возле которого встретил буквально светящихся счастьем влюбленных голубков. Судя по довольному виду Антонины, в постели у них было больше чем отлично, что подтвердилось через несколько секунд. Загоруйко незаметно подмигнул благодетелю и показал ему большой палец. Самовнушение — вот великое чудо! «Благодетель» улыбнулся в ответ и встал как вкопанный. Доигрались голубки — в животе Антонины горела яркая искорка...

— Степан Борисович, Антонина Сергеевна, можно вас на минутку?

— Что-то случилось? — Тень беспокойства набежала на лицо Степана.

— Можно и так сказать. Извините, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь, но какие у вас планы?

Степан расплылся в улыбке:

— Мы заявление в загс подали, если ты про это!

— Хорошо. — Тут Вадим позволил себе расслабиться и улыбнуться в ответ. — Антонина Сергеевна, вы, — шепнул он будущей мадам Загоруйко, указав взглядом на плоский, скрытый шубкой животик, та мило покраснела и неверяще стрельнула глазами. Вадим подтвердил новость тихим голосом: — Поздравляю. И с тем и с другим.

О том, что ему не поверят, он не думал. Новость, что в поселке появилась вторая Ширшиха, точнее — Ширших, а еще точ-

нее — что Белов оказался знахарем, давно разлетелась по дворам и была достаточно обсосана на кухонных посиделках. Бабы доказывали друг другу, что они знали: по-другому просто быть не могло. Кто, скажите, в здравом уме будет жечь покойников? Вадим чуть не выпал в аут, когда узнал, что еще его дед летал на шабаш... Какие сказки тысячи и одной ночи? Вы по российским деревням пошукайте, вам та-ако-ое порасскажут...

— О чем вы шепчетесь? — вновь проявил беспокойство Степан.

— Да так, о своем, о женском... — отмахнулся Вадим, направляясь в магазин. — Тоня как-нибудь расскажет. Еще раз поздравляю.

— А? Ну, ладно, спасибо.

— Спасибо! — крикнула Антонина, обрадованная доброй вестью.

Россия. Н-ск. Секретный научный центр

— Черт... — Несколько минут напряженной тишины, и хриплый голос вновь поминает нечистого: — ЧЕРТ!

Обладатель хриплых обертонов вскочил с удобного кожаного кресла на колесиках (от резкого движения со стола слетело несколько листов, но человек не обратил на них никакого внимания, все его мысли были заняты другим), прошелся перед своим рабочим столом, постучав костяшками пальцев по рабочей поверхности предмета интерьера.

— Черт! — в третий раз разнеслось в кабинете. Говоривший, прищурив глаза, посмотрел на интерком. Со стороны могло показаться, что аппарат офисной связи неким образом загипнотизировал человека.

Закончив буравить интерком взглядом, человек протянул к нему руку, придавив толстым пальцем одну из кнопок.

— Слушаю вас, Илья Евгеньевич! — Из динамика громкоговорителя донесся приятный женский голос.

— Настя, вызови ко мне Савушкина.

— Его нет...

— Как нет? — удивился Илья Евгеньевич.

— Вы же сами разрешили ему выезд в город... — Секретарша выдала не меньше удивленных тонов, поражаясь забывчивости шефа, за которым ранее ни разу не замечалось склероза.

— Да-да, припоминаю. Как не вовремя... Кто-нибудь живой из его заместителей есть?

— Иону.

- Угум, Василий с физической фамилией...
- Пригласить?
- Будь добра... и, Настюш, сооруди мне кофейку.
- Что-нибудь еще?
- Нет, спасибо.

Закончив разговор и собрав с полу рассыпавшиеся бумаги, Керимов застыл посреди кабинета, провалившись в тяжелые думы.

— Что это: ошибка или?.. — спросил он у самого себя, обрывая мысль на полуслове. — Если... нет, невозможно...

Тут в дверь осторожно постучали.

— Разрешите? — В кабинет опасно заглянул Василий Иону, успевший навести справки у секретарши шефа, колдовавшей у кофеварки, что тот несколько не в настроении.

— Входите, — разрешающе махнул рукой Керимов, усаживаясь в кресло. — Присаживайтесь, Василий Николаевич, поверьте мне — в ногах правды нет. Разговор у нас будет недолгий, но тяжелый. Что вы можете сказать относительно этого?

Керимов придвинул к подчиненному папку с подборкой документов, с которыми знакомился несколько минут назад.

— Материалы готовил я, — ответил Иону, стрельнув по бумагам глазами.

— Замечательно. Это позволит нам избежать некоторых ненужных вопросов. Перейду к сути. Больше всего меня беспокоят результаты полевых измерений, изложенные во втором приложении. Вы показываете существенный рост напряженности магнитного поля в аномалиях. Средняя разница между показаниями, снятыми прошлой экспедицией, и последними данными составляет около пяти процентов. Здесь не может быть ошибки?

— Нет, — качнул головой Иону, — я потому и акцентировал пояснительную записку на результатах полеви́ков, что установленные в указанных точках стационарные приборы фиксируют устойчивый рост.

— Какой?

— Две сотых процента. В день.

— В день?

— Да.

— Та-ак, почему я узнаю об этом последним? — Казалось, в кабинете резко упал столбик термометра и выморозился воздух от нешуточной угрозы, прозвучавшей в ледяном голосе Керимова. Василий невольно втянул голову в плечи, стараясь не

смотреть в полыхавшие яростным огнем гнева глаза нависшего над ним начальства. Во взгляде Ильи Евгеньевича читалось обещание тысячи и одной ночи адских мук. — Почему, я вас спрашиваю!?

— Мы хотели дожидаться результатов средиземноморской экспедиции: так сказать, сравнить параллели.

Керимов, плюхнувшись в кресло, прошелся пятерней по короткому ежику волос на голове и постарался успокоиться. В принципе ребята Савушкина не совершили никакого криминала, и Иону следовало похвалить за своевременный доклад, а не срывать на него. Василий Николаевич правильно поступил — собрал разрозненную информацию, нашел общее зерно, подверг его всестороннему анализу и только когда убедился, что ошибки быть не может, уведомил руководящие верхи.

Прервав начальственный разнос, в кабинет вплыла Анастасия. Поцокав каблучками по дубовому паркету, девушка поставила на стол для совещаний поднос с двумя чашечками ароматного кофе, рядом с которыми примостились кувшинчик сливок и ваза с рассыпчатым сахарным печеньем.

— Спасибо, Настя, — поблагодарил девушку Илья Евгеньевич.

— Пожалуйста, — кокетливо стрельнув глазками, ответила та. Стоило шефу отвернуться в сторону, как она, приподняв в немом вопросе бровки, посмотрела на Иону. Василий молча провел ребром ладони по горлу.

Настя ободряюще улыбнулась носителю «физической» фамилии, мол, где наша и ваша не пропадала и, покачивая бедрами, вышла из кабинета.

— Везет вам, Василий, мне девушки давно так не улыбаются, — грустно сказал Керимов, от которого не укрылась пантомима подчиненных. — Старее, наверное. Угощайтесь.

— Спасибо. — Иону понял, что начальство остыло и «моральный секс» откладывается до следующего удобного случая.

— «Спасибом» вы от меня не отделаетесь. С сегодняшнего дня жду от вас ежедневный мониторинг, а к пятнице мне нужен развернутый анализ. В средствах наблюдения можете не стесняться. Если необходимо, то вам помогут военные и орбитальная группировка. Второе. В ваше прямое подчинение переходят все полевики, геофизики и группа матанализа, приказ будет подписан сегодня. Непрофильные работы прекратить. Все ресурсы отдела должны быть направлены на ЭТО! — Мощная лапища Керимова хлопнула по провокационной папке.

— Но до пятницы осталось три дня!

— Я рад, что вы это понимаете. Мне хотелось бы знать, понимаете ли вы, что нам угрожает в скором времени, если ваши выводы подтвердятся? — Керимов вперил свой взгляд в переносицу собеседника.

— В общих чертах...

— Надо же, как вы точно выразились, объемно! В общих чертах нам угрожает такая большая ж... что мне становится дурно только от одной мысли о ее размерах. Три дня — и ни секундой больше! Понятно?

— Понятней некуда, — тяжело вздохнул Иону. Начальственное угощение придется отрабатывать на триста процентов, кофе нынче дорог.

Когда кофе был допит и Керимов остался один, он несколько минут сидел, откинувшись на спинку кресла, размышляя о том, что мир изменился окончательно и бесповоротно. Его открытия, несмотря на то, что из семьи рядом с ним осталась только супруга, дали человечеству шанс. Реальный шанс не только выжить и не угробить себя в какой-нибудь ядерной междоусобице, но и достойно встретить надвигающиеся глобальные изменения, которые на первый взгляд не связывались с его работами.

Может, сбежать к сыну? Лена вторую неделю канючит, просит отправить ее дней на десять к Ирине и внучке... А что он там будет делать? Кому он нужен? Дети выросли и разлетелись по собственным гнездам, причем младшие обзавелись всамделишными крыльями, и людьми их можно назвать с большой натяжкой. Но кем бы они ни стали — они его дети. Илья Евгеньевич любовно огладил пальцами рамки нескольких фотографий, установленных на компьютерном столике. Андрей, Ольга, Ирина с мужем, вот старшая дочка держит на руках сверток, перетянутый розовой лентой. Два месяца назад по земному времени Керимовы-старшие стали дважды дедушкой и бабушкой. Лияна — Солнышко, была похожа на деда — короля Тантры. Материнскими, соответственно керимовскими, в девочке были только глаза. Говорят, что у детей оттенок радужки меняется по мере взросления, но Илья Евгеньевич надеялся, что насыщенная небесная синь, поселившаяся в глазках Лияны, не изменится. Керимов взял в руки самую большую рамку, на которой были запечатлены четыре дракона: Андрей, Ания, Ольга и маленький Ильюшка. Сын звал к себе, но Илья чувствовал, что его место тут...

Научный центр за прошедшие девять месяцев разросся неимоверно. К бесконечным подземным уровням добавилось несколько наземных корпусов, выстроенных за какие-то два квартала. Штат центра рос как на дрожжах. На сегодняшний день в штатном расписании числилось три с половиной тысячи сотрудников. Если к ним прибавить внештатных работников силовых ведомств, обеспечивающих безопасность и сохранность государственных секретов, а также сотрудников технических служб, поддерживающих нормальное функционирование громадного хозяйства, то общее количество людей, крутящихся вокруг тайны межмировых и подпространственных перемещений, переваливало за десять тысяч человек. Мог ли он два года назад подумать о том, что из начальника полусотни человек превратится в руководителя многотысячного коллектива? Даже в самых смелых его мечтах такого не было. Он добился всего сам, воплотил мечты, хотя для этого потребовалось два десятка лет. Можно сказать, что Керимов находился в зените карьеры и научной славы. Под его руководством пущены в работу порталы в Индии и Китае, строится портал в Японии, идут переговоры с Германией, Францией, Британией и Турцией, выражают определенные интересы Мексика, Соединенные Штаты и еще три десятка стран. Инвестиционный золотой дождь, пролившийся на центр, породил полноводные денежные реки.

Не жизнь, а малина. Но острые колючки не дают забывать о многочисленных «закрытых друзьях». Вместе с деньгами на центр и его сотрудников посыпались предложения о раскрытии малюсеньких тайн. Город наводнили агенты иностранных спецслужб. Н-ск превратился в закрытую зону, многие ученые и сотрудники центра попали в перечень невыездных лиц. С другой стороны, теперь в Н-ске можно было ночью выйти на улицу с пачкой денег в руках и, не опасаясь грабителей, пройти до магазина и обратно. Правоохранительные органы вымели преступность подчистую.

Даже не будь инвестиций, центр мог бы спокойно перейти на самоокупаемость. Для этого были все предпосылки, но кто отпустит в свободное плавание гусыню, несущую золотые яйца?

Граждане государства российского частенько обсуждают великолепное состояние звезд кино и эстрады, в последнее время многие обратили внимание на пышущих здоровьем олигархов и политических деятелей. Звезды и иже с ними в интервью ссылаются на некие супердиеты и спортивные центры, но их блокированная память надежно хранит воспоминания об эльфий-

ских дугарах и створках древесных раковин, в которых им пришлось провести от трех дней до двух недель. Говорят, что здоровье не купишь, но в последнее время в народе ходят упорные слухи, что это отнюдь не так. Некие темные личности за определенную мзду берутся доказать слова на деле. Процедура не из дешевых, тем паче что часть денег приходится переводить в золото, уходящее на оплату услуг магов из другого мира, но здоровье дороже. Специалисты генерал-лейтенанта Санина поставили дело на поток. Прибавьте к этому чешую драконов, значение которой для современной фармакологии просто невозможно переоценить, и настойку на крови тех же самых драконов, десять миллилитров которой на организованном российскими спецслужбами черном рынке стоят около пяти миллионов долларов, причем магический товар улетал быстрее, чем горячие пирожки в базарный день. Рыцари плаща и кинжала честно делились с драконами половиной выручки, переводя ее в камни, золото или продукцию техногенного мира. Обманывать зубастых компаньонов было себе дороже, крылатые твари жестко отслеживали каждую пробырку и не гнушались копаться в головах земных посредников. До Керимова доходили слухи, что иномировую торговлю контролирует кронпринц, сын императрицы драконов, и он же настоял на жесточайшем контроле. Илья Евгеньевич не то чтобы не верил слухам, но с трудом представлял Андрея в роли теневого воротилы, пока Санин не открыл ему глаза на отпрыска, назвав того серым кардиналом Иланты. Генерал не стал пояснять свои слова, посчитав, что отец кардинала сам доберется до истины. Сам куратор научного центра несколько раз акцентировал внимание торговых посредников и российских дипломатов, расквартированных в Ортене и Кионе, чтобы они со всей ответственностью отнеслись к требованиям крылатых хозяев мира и не злили последних. Получить проблемы с существами, открывающими межмировые порталы усилием воли, было бы нежелательно, тем более на территории Иланты появляется все больше и больше точек, недоступных для наблюдения. Местные маги неким образом экранируют громадные области, а в районе Мраморного края наблюдение вообще невозможно — «окна» земных наблюдателей либо отбрасывает прочь, либо происходит резкий сброс нагрузки и схлопывание. По собранным в столице Тантры сведениям, драконы и прибывшие с ними эльфы и люди строят новую столицу империи. Но мощнейшие экраны сводят на нет все попытки земных спецслужб узнать местоположение

оной. Землянам оставили несколько свободных точек доступа, рекомендовав все контакты проводить через них. Никто не сомневался, что драконы, установив правила игры, смогут их контролировать. Земные наблюдатели не могли сказать, исследуют ли крылатые монстры соседние миры или нет, но и обратных доказательств не было. Вселенная породила мириады миров, вполне вероятно, что интересы жителей Иланты и Земли не пересекутся, но что-то с трудом в это верилось. Первые не раз заявляли, что их экспедиции неоднократно посещали земной континуум и что легенды о драконах имеют под собой реальные обоснования. Сказать, что такое положение нервировало власть предрежающую — значит ничего не сказать...

Драконы и магия были одним аспектом, на другой чаше весов лежали высокотехнологичные миры, наблюдение за которыми приносило не меньше дивидендов. Благодаря сворованным у соседей технологиям Россия постепенно вылезает из разряда стран третьего мира. На китайские и японские деньги строятся заводы, на которых решено апробировать новейшие решения в микроэлектронике и машиностроении. Особой строкой проходят нанотехнологии и военные разработки... Разум членов правительства и президентской администрации рисует радужные перспективы и воздушные замки. Илья Евгеньевич хмыкнул — недолго им осталось почивать на лаврах...

Керимов аккуратно поставил на стол рамку с фотографией драконов, открыл папку, содержащую последние данные по мониторингу электромагнитной и гравитационной обстановки в аномальных точках, на которых предположительно располагались древние проходы из мира в мир. Еще раз перечитал выводы Иону, привычным жестом прошелся рукой по волосам.

— Хорош предаваться меланхолии! — Ученый подтянул к себе телефон, набрав короткий внутренний номер. — День добрый, Александр Владимирович! Керимов беспокоит... Чего я такой беспокойный? О-о, я вам сейчас такое расскажу — и беспокойным станете вы... Какие шутки в моем возрасте?.. Серьезней некуда, дело не терпит отлагательств... Хорошо, через пятнадцать минут — у вас в кабинете...

Россия. Н-ск

Секретный научный центр, пятница

Длинный подземный переход из административного корпуса на второй подземный уровень, соревнуясь с больничными операционными, сверкал идеальной чистотой. Белая керамическая

плитка, устилающая пол и стены, отражала гулкие шаги двух человек. В зеркальных поверхностях потолочных светильников проплывали искривленные, вычурные отражения директора научного центра и куратора от силовых ведомств. Обе личности спешили в конференц-зал, где первому предстояло довести неоднозначную, шокирующую информацию до ушей и разума приехавших в Н-ск высоких правительственных чиновников.

— Илья, прошу тебя: без профессорской зауми, пожалуйста. Это не та аудитория, — наставлял Керимова на путь истинный генерал-лейтенант Санин. За полгода ученый и силовик не только плотно сработались и нашли общий язык: их отношения стали по-настоящему дружескими. Между собой оба облеченных властью человека были на короткой ноге, но ни один, ни другой не позволяли дружбе влиять на работу. Служебные отношения блюлись свято.

— Товарищ генерал...

— Вот именно что генерал, а мечтаю о маршальском жезле!

— Не похожи вы, Александр Владимирович, на гасконца.

— Д'Артаньян просто не знал, что у маршалов пенсия больше!

— Мечтаете о покое, кресле-качалке и бутылочке вина по вечерам?

— Вашими молитвами покой мне только снится. Сдохну на работе — никто и не вспомнит.

— Полноте вам, Александр Владимирович. — Керимов по-дружески хлопнул генерала по плечу, у того от такого похлопывания чуть не подогнулись ноги. — Вы такая изрядная сволочь, что всех нас переживете.

— От спасибо вам, господин ученый, на добром слове — теперь я просто обязан пережить всех злопыхателей. И за «сволочь» — отдельный поклон.

— Обращайтесь, — натянуто улыбнулся Керимов. — Шутки в сторону: кого принесла нелегкая?

— Министра обороны ты знаешь, некоторых силовиков тоже, из новеньких — советник президента и заместитель министра иностранных дел.

— По глазам вижу, что не всех назвал. Кого спрятал за пазуху?

— Да, Илья, тебя на хромой козе не объехать. В роли сладкой вишенки на нашем торте сегодня сам премьер, — ответил Санин.

— Сурьезные люди, — осклабился Керимов.

— Администрация и правительство придадут огромное значение твоему вопросу. Я хочу, чтобы они тебя не только слушали, но и УСЛЫШАЛИ!

— Это не проблема, стать понятным и услышанным легко. Трудно, Владимирович, применить возникшее понимание на практике. Вопрос несколько шире той плоскости, на котором его размещают. Боюсь, что время секретов закончилось, и как бы нам ни хотелось этого избежать, но придется налаживать отношения и прямые контакты с Западом и Востоком.

— О политике потом рассуждать будем. Для этого есть другие ведомства и люди, разбирающиеся во внешнеполитических вопросах лучше нас, грешников. Ты лучше думай о делах праведных.

— Они у меня из головы не идут. Как-то уснуть не мог; лежу, ворочаюсь, жена смотрит на меня и зубами скрипит — злится, что я сам не сплю и ей не даю. Думаю, посчитаю ради такого случая баранов, так семьсот семидесятый вдруг начал бляеть о природных порталах и принялся копытцем на земле вычерчивать формулы и уравнения...

— Тяжелый случай... соберись, Илья...

— Ты кого успокаиваешь? Иди-ка сам хлебни валерьянки.

— Ладно, не гоношись. Пришли, — сказал Санин, остановившись у бронированной двери, перекрывающей проход.

— Прошу предъявить пропуски, — выступил вперед старший охранник из дежурившей у двери вооруженной тройцы.

Керимов пристально посмотрел на генерала, тот пожал плечами, как бы говоря, что люди на посту нынче не из его епархии, а прибыли с московскими гостями и ему не подчиняются. Охрана придирчиво проверила документы, куратор и директор приложили ладони к сканеру, сличающему отпечатки пальцев. Закончив проверку, охранники козырнули.

Генерал достал из нагрудного кармана пластиковую карточку, провел ею по считывателю:

— Прошу.

— Рубикон пройден, — тихо прошептал Керимов, входя в конференц-зал.

Людей в зале было гораздо больше, чем озвучил Санин. По-видимому, кроме высших государственных чинов были приглашены различного рода эксперты и консультанты; впрочем, Керимова новые действующие лица никоим образом не волновали. Раз уж всеисильные органы госбезопасности позво-

лили присутствовать этим людям, то с допуском к секретной информации у них все в порядке. От обратившихся к нему многочисленных заинтересованных взглядов Илья Евгеньевич мигом позабыл приготовленную речь и ощутил мелкий мандраж нижних конечностей. Чувствуя себя студентом-первокурсником, на негнувшихся ногах Керимов прошествовал к кафедре, установленной возле опущенного экрана. Доклад ученого предполагал показ некоторых слайдов и видеороликов.

Прокашлявшись, Илья справился с волнением и поднял взор на аудиторию, встретившись взглядом с премьером, сидевшим в первом ряду, как раз напротив докладчика. Номинально второе лицо государства оценивающе смотрело на борцовскую фигуру ученого: встретишь такого в темной подворотне — невольно подумаешь о том, что деньги и ценности лучше отдать сразу. Широкоплечий, могутный мужик с физиономией грубо отесанного кирпича никак не вязался с образом одного из лучших ученых России. Глядя на него, сложно было предположить, что этот «гопник» свободно изъясняется на нескольких иностранных языках и при этом имеет ученую степень, являясь директором самого закрытого научно-исследовательского центра страны. Премьер казался безучастным, но в его глазах пряталась нешуточная обеспокоенность складывающимся положением. Ясно как божий день — на стол высокого гостя успела лечь папка с описаниями последних открытий керимовской команды, но не это было в ней главным, а неутешительные выводы, приведенные в конце. Похоже, Санин не преуменьшал, говоря о серьезном отношении, которое придадут в правительстве и президентской администрации информации из научного центра. Визит премьера — самое наглядное тому доказательство. Керимов поискал взглядом генерала. Куратор устроился на «камчатке», вольготно вытянув вперед натруженные за день ноги. Генерал ободряюще улыбнулся, чуть кивнув головой, как бы говоря: начинай, мол, не тяни резину.

Илья Евгеньевич, достав из кармана лазерную указку, сурово посмотрел на ассистента, тот правильно интерпретировал немой приказ шефа. Повинуясь легким щелчкам клавиатуры, померк свет, подвешенный к потолку проектор исторг из себя яркий пучок — и на виниловом экране появилось изображение сфинкса на фоне пирамиды Хеопса.

— Прежде чем перейти к основному докладу, ради которого вы бросили сотни неотложных дел и собрались сегодня в этом зале... — начал Керимов. Санин же воздел очи горе и закрыл

лицо руками... Горбатого могила исправит: вроде уже сто раз согласовали, что и как говорить, но неугомонный директор центра опять все переиначил. Неймется ему. Илья Евгеньевич меж тем продолжил: — Хочу задать вам два вопроса. — Небольшая театральная пауза. — Первый: что вы знаете о древнейшей истории?

Аудитория, ошарашенная такой постановкой вопроса, замерла, ожидая развязки, коя не заставила себя ждать.

— Если вы что и знаете, то выкиньте эти знания на помойку, — припечатал Керимов. — Пока вы обдумываете мои слова, хочу задать второй вопрос: что вы знаете о прецессионном и нутационном движении земной оси? По выражению лиц некоторых слушателей вижу, что озвученные термины им знакомы. Для тех, кто теряется в догадках, позвольте объяснить, что я имею в виду. Земля совершает оборот вокруг своей оси за двадцать четыре часа, а земная ось вращается относительно оси, перпендикулярной к эклиптике, описывая конус. Таким образом, вращение Земли похоже на вращение волчка: имеет место прецессия. По отношению к продолжительности человеческой жизни период этого прецессионного движения очень велик — полный оборот земная ось делает за двадцать пять тысяч семьсот семьдесят шесть лет. Попрошу не отвлекаться. И я не сошел с ума. Астрономия имеет прямое отношение к тому, что будет поведано вам далее. — Керимов обвел зал ледяным взглядом. Государевы люди, попав под обмораживающий прицел льди-сто-холодных глаз, в которых не было и доли шутки, невольно втягивали головы в плечи, превращаясь в само внимание. Премьер чуть заметно ухмыльнулся. — Продолжим. Прецессия оказала огромное влияние на длительный период развития астрономии, когда наблюдения велись невооруженным глазом. Во-первых, астрономический север определяется продолжением земной оси в небесную сферу. Поэтому направление астрономического севера — возможно, это звезда, то есть Полярная звезда, — со временем изменяется. Через несколько столетий современная Полярная звезда перестанет указывать на север, и на протяжении прецессионного цикла «полярными» могут стать все остальные звезды, расположенные вблизи круга, который описывает земная ось. На самом деле это не идеальный круг вследствие пертурбаций. Так, например, в эпоху палеолита Северный полюс пересекал Млечный Путь, и за пятнадцать тысяч лет до новой эры «полярной» звездой была дельта Лебедя. Северное небо в те времена существенно отличалось от нашего. Теперь возникает вопрос: когда же в действительности

была открыта прецессия? Общепринятая научная точка зрения заключается в следующем: первое — прецессия была открыта в сто семнадцатом году до нашей эры Гиппархом Родосским. Второе — прецессия была неизвестна доколумбовым культурам. Другими словами, коренные жители Америки не знали о прецессии до открытия Америки Колумбом. Так ли это на самом деле? Думаю, не ошибусь, если начну утверждать, что древние египтяне, астрономы месопотамских культур и доколумбовой Америки знали о прецессии. Об этом говорят расположение египетских пирамид, ориентированных по звездам, многочисленные вавилонские глиняные таблички, на которых сохранились результаты астрономических наблюдений, а также города индейцев. Я имею в виду место, которое сами ацтеки называли городом богов — Теотиуакан. Теотиуакан находится недалеко от современного Мехико, и даже сегодня он выглядит огромным городом, где в период наивысшего расцвета проживали более ста двадцати тысяч человек. Главные храмы-пирамиды города ориентированы по солнцу и звездам. Большинство из вас задается вопросом: какого ляда я полез в дебри и копаюсь в древней астрономии? Просто мне стало интересно: а кто подвиг предков вести наблюдение за небом, затрачивая на них сотни лет, каким образом они делали расчеты, которым поражаются их современные коллеги, почему древние разбивали календари на своеобразные эпохи, каким образом возник зодиакальный цикл? Почему эти эпохи и циклы включают в себя двадцать пять тысяч лет? Зачем древним египтянам было строить пирамиды и возводить Большого Сфинкса, возраст которых, по моему убеждению, переваливает за пару десятков тысяч лет до нашей эры, о чем свидетельствуют следы эрозии на скульптуре. Позвольте заметить — дожди в Сахаре прекратились с окончанием ледникового периода, с того момента прошло порядка десяти тысяч лет. Не буду водить вас вокруг да около. Скажу лишь, что ученые возглавляемого мною коллектива считают памятники древности созданиями иных культур, пришедших на Землю из других миров. Именно пришельцы принесли древним цивилизациям знания астрономии и календарь, они же являются прародителями древних цивилизаций, появившихся в Месопотамии. Пришельцы из других миров приложили руки к строительству городов-обсерваторий ариев на Южном Урале. Вы можете сказать, что мои слова не более чем чушь собачья, но позвольте предостеречь вас от поспешных и опрометчивых выводов. Как вы все знаете, работа научно-исследо-

вательского центра продвинулась далеко за декларируемые официальными органами рамки и ушла гораздо дальше, чем предполагали до недавнего времени многие из присутствующих здесь. Опираясь на полученные из одного соседнего мира научные данные, некоторые из моих коллег, извините, имен называть не буду, выдвинули теорию о существовании в прошлом природных или искусственных порталов в иные миры. Всем вам известно, что теория о множественности миров нашла подтверждение, и строительство в Индии, Китае и Японии точек перехода в незаселенные миры, санкционированное президентом и правительством, не прошло мимо вашего внимания. Взвесив «за» и «против», руководство центра направило несколько экспедиций в так называемые центры древних цивилизаций. Для чистоты эксперимента нами также были обследованы несколько аномальных зон типа Пермского и Бермудского треугольников. Результаты инструментальных замеров, выполненных по адаптированным технологиям иных миров, показали однозначный ответ.

— Какой? — раздался из зала нетерпеливый возглас.

— Во всех обследованных центрах древних цивилизаций некогда существовали проходы в другие миры. К сожалению, за истечением лет мы не смогли просчитать треки и выявить временные координаты миров, чтобы выполнить привязку к ним с помощью наших установок. Компьютерный анализ показал, что последние «окна» закрылись около двух тысяч лет назад. Исходя из этого, можно считать правдивыми легенды и мифы о псоглавых людях, кентаврах и прочей мифологической нечисти. Наши предки могли контактировать с иномирянами, обладавшими экзотической внешностью.

— Что с аномальными зонами? — Керимов и премьер синхронно поморщились.

— С аномальными зонами несколько сложнее. Для ясности картины хочу добавить, что все аномальные зоны и обнаруженные нами следы порталов имеют привязки либо к месторождениям металлов, либо к естественным разломам земной коры. Если обобщить данные — к местам повышенной геомагнитной активности. Возвратимся к аномалиям. Пока сложно утверждать достоверно, но творящуюся в них чертовщину мы склонны относить к остаточному влиянию магических вселенных.

— Извините, — словно школьник, поднял руку один из приглашенных, сидевший в третьем ряду.

— Да. Представьтесь, пожалуйста, — обратил на него внимание Керимов.

«Школьник», оказавшийся ученым-физиком, сотрудником какой-то там лаборатории (место работы докладчик не расслышал, занятый в это время наполнением стакана минералкой из стеклянного графина), отодвинув стул, проехавший ножками по паркету с противным скрипом, встал, представился и задал мучивший его вопрос:

— Вы хотите сказать, что магия существует? По-моему, это абсурд, попирающий фундаментальные законы мироздания.

Илья Евгеньевич повернул голову к премьеру, как бы спрашивая у того взглядом: можно ли представить доказательства? Для Керимова не являлось открытием, что некоторые скептики, а может быть — большая часть аудитории, согласна с Фомой неверующим. Прагматики, они считают, что магия — это сказки для детей, но раз их пригласили сюда, значит, на высшем уровне решено приподнять завесу тайны. Премьер смежил веки — добро получено.

— Я понял вас, — ответил Керимов. — Не знаю, обрадуетесь вы или разочаруетесь, но магия существует. Мы вышли на несколько магических миров. Те технологии определения треков, о которых я говорил выше, взяты нами как раз из магического мира. Я говорил о кентаврах и прочих тварях, думаю, что многие волшебные сказки зиждутся на реальных фундаментах.

— Вы считаете, что... — физик покрутил в воздухе пальцами правой руки, — магия возможна и в нашем мире?

— Считаю, тем более — есть тому доказательства. Из-за грифа секретности я не могу вам их предоставить, вместо этого вы можете бегло ознакомиться с результатами наблюдения за одним из магических миров, — ответил Илья Евгеньевич, кивнув ассистенту.

Тот пощелкал мышкой, и на экране пошли кадры осады какого-то средневекового города. Неожиданно в сторону лагеря осаждающих из города вылетел громадный огненный шар. Мгновение — и зрителям пришлось прищуриться, так как на экране, за рябью помех, полыхнула вспышка, как при атомном взрыве, над землей вырос грязно-коричневый гриб, от толстой ножки которого во все стороны покатила всепожирающий огненный вал. Достигнув стен, пламя опало, так и не перевалив искусственный рубеж. Картинка тут же сменилась, зрители стали свидетелями нескольких практических занятий группы молодых людей на площадке, напоминающей полигон. Моло-

дежь весело перебрасывалась валунами — с виду по тонне весом, тройка парней оживляла каменного голема. Смена кадры — и на камеру накатывает волна мертвецов-зомби...

— Невольно поверишь, когда сам являешься свидетелем невероятных событий. Все же предлагаю на время оставить в стороне вопросы магии и вернуться к нашим баранам. Не возражаете? Прекрасно; так на чем я остановился? На аномалиях... Несколько месяцев назад мы решили установить постоянный мониторинг аномальных зон и мест, где в древности существовали проходы. Каково же было удивление наблюдателей, когда они обнаружили устойчивый рост контрольных параметров! Благодаря нашим математикам, составившим метаматематические модели работы порталных установок, мы выявили, что электромагнитные параметры в зонах напоминают второй этап работы установки, когда происходит накопление и концентрация потенциала в центральной точке. Геофизики уверены, что все регистрируемые параметры в аномалиях связаны с движением магнитных полюсов Земли. Мы до сих пор не знаем всех тайн нашей планеты. Земля — это величайший магнит и генератор с неисчерпаемыми возможностями и запасом энергии. Одни грозовые разряды чего стоят! Специалисты центра и мои коллеги предполагают — а другого нам не остается — что-то происходит в мантии и ядре. Как я сказал, в результате движения полюсов начались изменения в электромагнитной и геомагнитной обстановке; как следствие, в древних порталах, подвергаемых мониторингу, выявлено образование или начальная стадия так называемого «тоннельного эффекта». Есть, конечно, еще одна точка зрения или гипотеза, что активность в порталах связана с эксплуатацией установок, расшатавшей природные крепи и защиту планеты, ее мы тоже стремимся отработать, но главное не в этом. Если подтвердятся первый вариант и зависимость аномалий от геомагнитной обстановки и полюсов, а пока все указывает именно на это, то через полтора-два года можно будет встречать делегации из других миров, которые могут быть как из отсталых, так и из тех, где цивилизации опередили нас на многие годы и столетия. Опасность в том, что мы не можем рассчитать, обнаружить и перекрыть защитными полями все возможные места образования природных точек соприкосновения и взаимопроникновения параллельных миров. Катаклизм затронет планету целиком. И еще, я — скептик, не верящий в миролюбивый высший разум. Надеюсь, вы понимаете, о чем я?

— Илья Евгеньевич, как вы считаете, какие у нас шансы? — первым делом спросил премьер, когда Керимов, Санин, министр обороны и еще пара человек, облеченных немалой властью, переместились в кабинет куратора научного центра. — Только честно — лизоблюдов, приукрашивающих действительность, мне и за воротами центра хватает.

Генерал расстарался, распорядившись украсить тяжелый дубовый стол легкими закусками и коньяком. Любители легких напитков могли оценить дорогое марочное вино с французских виноградников, а те, кто совсем не переносил алкоголя, рвали ноздри, втягивая бесподобный аромат свежесваренного кофе.

— Честно? — переспросил Керимов, побарабанив пальцами по крышке стола и провалившись в тяжелые думы. Высокие гости терпеливо ждали ответа ученого. Черный кофе в чашечке руководителя центра исходил паром, отдавая тепло и аромат окружающему пространству.

— Честно... — выдохнул Илья Евгеньевич через плотно сжатые зубы, — хреновые у нас шансы, если честно. Простите за русский народный. Хм, знаете, мы элементарно не готовы к встрече с иными мирами. Знание того, что они существуют, не добавляет нам знания, как и чем они существуют. Вы понимаете, о чем я?

— Понимаю, я уловил суть аналогии; продолжайте, пожалуйста, — ответил премьер.

— Не так давно в центре был создан целый отдел. В нем мы постарались собрать специалистов, которые проводят всестороннее исследование древних мифов и легенд. Кропотливый труд: легенды необходимо уложить на кальку современных знаний и топографию порталов. Знаете, — Керимов тяжелым взглядом обвел присутствующих, — у нас под носом было столько различных подсказок и фактов существования других миров, что оставалось только диву даваться, как и почему мы не видели этого раньше. Яркий пример — Атлантида. Платон описал высокоразвитую цивилизацию, но археологи так и не смогли подтвердить или опровергнуть слова греческого мыслителя. Было множество экспедиций и различных инсинуаций на данную тему. Но, как мне кажется, Атлантида не затонула, а находится по ту сторону закрывшегося портала. В Средиземноморье нами обнаружена обширная аномальная зона: судя по остаточным колебаниям, доступ в нее закрылся около десяти тысяч лет назад. Были и другие свидетельства, как прямые, так и косвенные. Если мы возьмем некоторые древнегреческие карты, то количество островов, изображенных на них, неизмеримо бо-

льше, чем мы видим сейчас. Неужели мореплаватели ошибались? Не верю. Три тысячи лет назад мореходство в Средиземноморье было развито не меньше, если не больше, чем сейчас. Я думаю, что моряки действительно видели эти острова и бывали на них. Только они не осознавали, что ходят не в тех морях. Косвенным свидетельством можно считать некоторые факты, взятые из гомеровской поэмы про Одиссея. Где он, родимый, бродил тридцать лет; как смог заблудиться в море, которое исхожено вдоль и поперек? А древнеиндийские трактаты? Индусы живенько так описывают применение ядерного оружия и последствия атомных взрывов! Говорить можно нудно и долго, но в итоге я пришел к выводу, что мы ничего не знаем о своей истории двух-, трех- и более тысячелетней давности. Европейские сказки описывают драконов, которых считали выдумкой и суевериями, и тут выясняется, что те неоднократно посещали землю, найдя аборигенов настоящими варварами. Варвары нападали на членов экспедиций, соответственно драконы-ученые не ждали, когда в них наделают дырок, предпочитая плюнуть в мелких вражин огнем. Вопросов больше, чем ответов.

— Илья Евгеньевич, давайте проблемы испанского народа оставим испанскому народу. Одиссей бродил в Средиземноморье, пусть там и остается — я бы попросил что-нибудь рассказать, если можно так выразиться, о своей, родной рубашке. Российские действительность и история мне ближе к телу.

— Да, к слову, что вы знаете о гипербореях? — тут жеотреагировал Керимов.

Премьер пожал плечами, предпочитая услышать ответ от рассказчика. Ученый грустно улыбнулся и продолжил:

— Могучее племя, обитавшее далеко на Севере. Счастливые люди... Не буду морочить ваши головы дальше. Но гиперборей, как и атланты, остались только в мифах. В тех же мифах и сказаниях говорится, что они воевали между собой, то есть северяне чистили морды жителям Средиземноморья, а те, естественно, не оставались в долгу. Меня волнует один вопрос: вы заметили, где обитали одни и где другие — ничего, что они шастали в гости друг к другу через всю Европу? Ладно, не буду о грустном, перейду к прозе. Прошу обратить пристальное внимание на Каспий. Я не буду вести полемику о том, что он из себя представляет: величайшее озеро или внутреннее море. Я попытаюсь объяснить загадку колебаний уровня Каспия. Его воды то отступали от берега, то без видимых причин затопляли целые города. В школе мы все изучали принцип сообщающихся сосу-

дов. Исходя из моей теории, Каспийское море сообщается с морем в другом мире, где-то в его глубинах скрывается портал, открытие которого приводит к колебаниям уровня воды...

— Илья Евгеньевич, мне кажется, вы несколько уклонились от темы и увели разговор в сторону, — прервал ученого министр обороны. — Я вижу, что вы оцениваете положение как ученый-исследователь, вопрос же затрагивал другую плоскость.

— А в какой плоскости ни посмотри — ничего хорошего нам не светит. Если порталы откроются в техногенный мир типа Игрума — это оттуда мы сперли некоторые нанотехнологии и высокотехнологичные разработки, которые можно поставить на поток в условиях нашего станочного парка, — то с нами даже разговоров вести не будут. Быстренько накостыляют по зубам, наложат свои лапы на все наши месторождения и заставят как проклятых пахать на них. На Игруме, кстати, название мира — местное, без транскрипций, демократические ценности как-то не прижились, там ценность человеческой жизни не возведена в ранг культа, первое место занимает социум. Если ради выживания социума требуется пожертвовать десятком жизней, то ими жертвуют. Жертвы сами с радостью пойдут на смерть ради выживания народа. Другой менталитет... И танки у них другие, и воздушный флот летает на генераторах высокочастотных колебаний. Пресловутые летающие тарелки — как будто с игрумовских списаны. Принцип Игрума — тотальный контроль. Другой крайностью может стать проход в развитый магический мир...

— Почему? — спросил советник президента.

— Потому что противостоять ему мы можем только на макроуровне, долбая издалека ядрен-батонами, устраивая авиабомбардировки и массированные артналеты, но на уровне индивидуального противостояния неизменно проиграем. Приведу пример: маг-элементалист, владеющий стихией воды, — и взвод автоматчиков, застигнутый врасплох. Кто кого? Как быстро автоматчики будут высушены до состояния египетских мумий? Не забывайте, что мы на восемьдесят процентов состоим из воды. С другой стороны, того же мага отправит в иной мир обычный Ваня со снайперской винтовкой, если пальнет по дурню из укрытия, расположенного метров за пятьсот от окаянного вражины.

— Хорошо, мы поняли вас, — сказал премьер, — что лично вы можете предложить для того, чтобы сгладить, скажем так, углы?

— Что я могу предложить? — опять переспросил Керимов. — Таки да, есть у меня пара-тройка советов...

— Однако! — натужно улыбнувшись, сказал премьер, прожоя взглядом массивную фигуру ученого.

Широкая спина директора научного центра целиком закрыла дверной проем. На мгновение мелькнул пост охраны с внешне невозмутимыми и лениво-скучающими лицами охранников. Керимов плавно развернулся, прощально кивнул и аккуратно захлопнул за собой дверь.

— Оригинально, — нарушил тишину советник президента, — у наших ученых, оказывается, есть чувство юмора.

— Что вас рассмешило? — повернулся к советнику Санин.

— Да так, ничего. Если отмахнуться от того, что нам предложили вспомнить Сталина, засунуть в... гм-гм... забыть о демократии и поставить экономику раком, переведя производственные мощности на военные рельсы, наплевав на ВТО и международные обязательства, то я совсем не против остальных советов вашего протеже и программы действий, разработанной господами из Федеральной службы безопасности и Министерства обороны.

— А в чем уважаемый Илья Евгеньевич не прав? — подпустил шпильку Санин.

Советник первого лица государства задохнулся от праведного негодования:

Вы одобряете тиранию?

Генерал-лейтенант посмотрел в глаза премьера и министра обороны, задав мысленный вопрос о происхождении этого идиота. Генерал-полковник Савичев, не так давно сменивший на ответственном посту министра-завхоза с мебельной фабрики, поднял очи горе и на мгновение соорудил страдальческую физиономию, будто у него произошел прострел от большого зуба. Лицо премьера осталось непроницаемым, но в его ответном взгляде сквозила молчаливая поддержка действий генерал-лейтенанта. Главный чекист страны, до этого успешно маскирующийся под бессловесный предмет, тихо хмыкнул в кулак.

— Как нас учит история, — перешел на лекторский тон Санин, — в критических и чрезвычайных ситуациях именно концентрация всей полноты власти в одних руках и оперативное управление экономическими рычагами является оптимальным вариантом. Нам предложили сделать именно это. Воспользоваться опытом ГКО.

— Не вижу никого, кто смог бы заменить Сталина, — не сдавался советник, — но это полбеда; откуда вы планируете брать финансирование? Хотите развалить бюджет и стабфонд? Нам

никто не позволит забрать под контроль добывающую и тяжелую промышленность, легкой как таковой уже и не осталось. Америка нас спонсировать не будет.

— Это хорошо, что вы говорите «нас» — значит, вы отождествляете себя с теми людьми, которые собрались в этом кабинете, — осторожно сказал Санин.

— Не такой я идиот. — Глаза советника моментально превратились в холодные льдинки, за колючими гранями которых прятался недюжинный ум, изворотливость и готовность идти по головам конкурентов. Глянув на него и оцарапавшись о колючий взгляд оппонента, Санин понял, что человек, сидящий на противоположном краю стола, не с бухты-барахты попал в президентский пул и крепко там окопался; а тот продолжил: — Я предпочитаю быть на стороне победителя и понимаю, для чего и зачем мы здесь собрались. — Особо было выделено «мы». — Через пару лет об Америке и зеленых бумажках можно будет забыть. Выживет тот, кто готов грызть глотку и не боится измазаться ручками и харей в реальной крови; и это, простите меня, не Америка. Мне было интересно, как скоро и как далеко вы намеревались зайти, — советник улыбнулся, — вижу, что коалиция сформирована и намерения у нее самые серьезные.

— Добро пожаловать в нашу команду, — сказал премьер. — Рад, что не ошибся в вашей оценке. — Быстрый взгляд на директора ФСБ. Сомкнутые на миг веки в ответ.

Простая фраза — и тяжелая грозовая туча, повисшая в кабинете, превратилась в перистое облачко, люди несколько расслабились. Теперь они все повязаны круговой порукой. Премьер, министр обороны, директор ФСБ, первый заместитель министра финансов, советник президента и, казалось бы, далекий от власти, но в одночасье ставший одной из ключевых фигур генерал-лейтенант Санин, словно Святая Троица с иконы Рублева искоса посматривали друг на друга и думали о том, как делить и что делать с жертвой под названием ВЛАСТЬ, враз потерявшей манящую привлекательность. Грядущие перемены сразу навешали на претендентов тяжелые вериги ответственности, лишив их права на ошибку и возможности пойти на второй срок, но даже такая, ложащаяся тяжеленным бременем, она манила к себе.

— Дальнейшие шаги предлагаю рассмотреть чуть позже, а пока давайте обсудим это... — Премьер на правах старшего взял слово на себя, выложив из папки на стол несколько листов, на которых размашистым почерком были законспектированы не-

которые пункты программы действий, предложенной аналитиками ФСБ и Министерства обороны. — Предлагаю снять с обсуждения первые три пункта из бесплатных советов Ильи Евгеньевича, — присутствующие сдержанно улыбнулись, — а вот предложение поставить изучение магии на широкую научную основу и поискать в стране одаренных людей считаю актуальным. Думаю, Керимов прав: нам стоит обратиться за помощью к драконам. В наши дрызги они не полезут, но смогут надавить на Тантру в части организации обучения земных магов в учебных центрах и, Александр Владимирович, нам до зарезу нужна информация по миурам... меня волнует их последний заказ. Зачем средневековым мастерам столько марганца, коксующегося угля и чугуна?

— Сергей Александрович, — премьер обратился к финансисту, — надеюсь, что с вашей стороны не будет проволочек с финансированием строительства порталов в крупнейших городах и выделением средств на нужды центра. Александр Владимирович, что хотите делайте, узлом завяжите ученых, ужом вывернитесь, но через шесть месяцев у нас должна быть отработанная технология постановки защитных экранов и закрытия порталов. Вам, господа, — министр обороны и директор ФСБ подтянулись, — необходимо в трехсуточный срок разработать программу действий силовых органов. Ваши специалисты предлагают сформировать бригады быстрого реагирования. Пусть они обкатают этот вопрос со всех сторон: численность, вооружение, оснащение. Не мне вас учить. Особые бригады должны быть сформированы не позднее чем через пять месяцев, чтобы успеть взять на вооружение порталные технологии. И, — премьер с отвращением отодвинул от себя чашку с остывшим кофе, кивнув на нее Санину. — Александр Владимирович, распорядитесь, пожалуйста...

*Россия. Таежный
Вадим*

Вадим с силой захлопнул ноутбук — подарок деда на окончание одиннадцатого класса и успешно сданный ЕГЭ. Встал из-за стола, раздраженно пнув ни в чем не повинное офисное кресло. Скрипнув сочленениями, обиженное несправедливым обращением кресло кувыркнулось на бок, ударилось об диван и согнало с подушки полосатого кота, навернув того спинкой по голове. Васька, послеобеденный сон которого был прерван таким варварским способом, подскочил на месте и с перепугу

свалился на пол, как всегда приземлившись на все четыре лапы. После чего громко мявкнул, решив искать покой и справедливость на улице, правда, немного оригинальным способом. Лорд Подполья и Гроза Мышей остервенело заработал конечностями, с пробуксовкой сорвавшись с места, в два прыжка взлетел на окно, сиганул в форточку и... повторно полетел на пол. Хвостатый дератизатор не учел противомоскитной сетки, которая закрывала проход к вожделенной свободе и покою. Чего уж там показалось или привиделось коту — неизвестно, но Василий заорал благим матом, выгнулся дугой и повторил попытку штурма окна, забыв о более привычном и надежном ходе через подпол и отдушину. В этот раз животина вышла победителем в столкновении с хлипкой преградой, которую хозяин то ли от лени, то ли по забывчивости не снял на зиму — кот просто-напросто сорвал ее с креплений, заодно сбросив с подоконника пару горшков с фиалками. Продолжая на весь двор сыпать кошачьим матом и жаловаться на судьбу-кручинушку, он скрылся за курятником, перепугав по дороге кур, выбравшихся поклевать камешки на оттаявшей от снега завалинке.

— Васька! Паршивец, — беззлобно выругался Вадим, подняв перевернутое кресло и с тоской глядя на разбитые цветочные горшки. — Пусть так... все равно пересаживать надо.

Фиалками увлекалась баба Поля, она была настоящей фанаткой неприхотливых растений. В доме все подоконники были уставлены глиняными горшочками всяческих форм и размеров, вместо крышек у которых были пышные шапки цветущих растений различных окрасок. После смерти бабушки эстафету флориста принял на себя Вадим. У парня, как говорят в народе, была легкая рука, хоть он и не любил фиалки, но в память о бабушке не дал цветастому великолепию зачахнуть. Зеленые жители горшков с благодарностью приняли заботу осиротевшего хозяина, став еще пышней и ярче.

Вадим аккуратно смел веником рассыпавшуюся землю, собрал осколки и занялся пересадкой пострадавших цветов. Для этого дела он еще в феврале купил в сельмаге несколько новых горшков и заказал иркутянам, ездившим в город, прикупить в магазине специальной землицы, которую он перемешал с огородным черноземом. Ведро с получившейся смесью хранилось в подполе, постоянно пополняясь заваркой из использованных чайных пакетиков и чайными листьями, кои шли на подкормку дождевых червей, обитавших в том же ведре. Последние на таком вроде бы неприхотливом корме плодились и размножа-

лись, отдавая частичную дань своими соплеменниками, шедшими на заклание и погибавшими на рыболовном крючке. Хозяин и кормилец порой хаживал на рыбалку, благо своенравная речка Дикая, вбиравшая в свое искристое тело ручей, пересекавший огородные участки Беловых и внучка почившей знахарки, протекала в трехстах метрах, если считать от порога дома. Спрятавшись под ледяным панцирем, Дикая хранила глубокие ямы с плескавшимися в них ленками и таймешатами; надо только знать, где эти ямки...

Вадим пересадил цветы, вымыл руки, протер пол и надолго застыл у окна с цветочным горшком в руках, бездумно, пустым взглядом глядя на двор и думая о том, что мечтам стать дипломированным специалистом не суждено сбыться. Все впустую, все эти занятия, репетитор, химия, биология, анатомия, английский — все это сизифов труд, камень, которой он никогда не закатит на вершину. Раскатал губу... закатай обратно и пристегни пуговичкой. На него иногда накатывали приступы черной меланхолии, захлестывающие с головой и вышибающие почву из-под ног. В такие моменты Вадим сам себе казался невольным отшельником, брошенным на маленьком острове, со всех сторон окруженном бескрайним океаном. Что бы ты ни делал, какие бы плоты ни сколачивал в попытках выбраться с осточертевшего клочка суши — коварные океанские течения возвращали плоты обратно и разбивали их об острые рифы жизни. Сейчас был один из именно таких моментов...

Парень не хотел, но сам не заметил, как стараниями односельчан постепенно превратился в нелюдимого отшельника. Люди злы. Зло зачастую кроется не в людской природе, а в человеческом отношении к непонятным явлениям, к тому, что нельзя понять разумом простого обывателя. В таких случаях они отгораживаются, строят стены, предпочитая не видеть, не трогать и не замечать... К тому, что в поселке появился знахарь-колдун, сельчане привыкли быстро, языкастые кумушки быстро наградили молодого парня кучей неснимаемых ярлыков, запустив по поселку несколько сплетен, где он чуть ли не младенцев в котлах варит. Сначала он смеялся над нелепицами, потом заметил, что люди чураются и побаиваются его. Да-да, Белов никому зла не делал и не делает, но кто знает, на что он способен? Такого задирать будет себе дороже, еще наградит чем-нибудь. Вона вылечил одного эпилептика, приступов у того за два с половиной месяца ни одного не было, но мозги у бедолаги точно набок повернулись — пить-курить бросил, от

запах водки его тошнит, дома усидеть не смог, подался в город — на заработки и... пропал, ни писем, ни звонков — ничего. Постепенно из страха выросла невидимая стена отчуждения, которую старались не пересекать лишний раз. Совсем как с бабкой Ширшихой, к которой ходили, когда болячка припекала так, хоть на стену вешайся. Так и с Вадимом. К нему приходили сами, приводили детей, благодарили, но он видел насто-роженность, мелькавшую в глубине глаз посетителей. Лишь пара соседей, да бригада иркутян не замечали невидимой пре-грады, относясь к нему как раньше, видя в нем молодого парня, взвалившего на свои плечи дом и хозяйство, и не давая ему окончательно стать изгоем.

Вадим с радостью плюнул бы на все и уехал. Деньги он зара-ботает, но как быть с домом? Корову с телком и пчел он продаст тому же деду Бондарю или тетке Ларисе, кур или продаст или забьет. Но как быть с домом? Как быть с могилами деда и ба-бушки? Дом он продать не сможет, нет в поселке покупателей, а просто так бросить родной угол, Снежка, Ваську... Он думал, что не будет ничего делать, но, наоборот, прирос хозяйством. Иркутяне построили у ручья беседку в восточном стиле, совсем как у Кузьмича из «Особенностей национальной охоты». Буду-щий молодожен — Степан, вырезал новые наличники на окна и красивого конька на крышу. За зиму и половину марта двор и тропа в баню обзавелись новым навесом из металлочерепицы, рядом с беседкой ждала своего часа куча мелкого белого отсева, чтобы стать красивой дорожкой, как растает снег. Дом. Как оставить его, бросить, когда он сам прирастает с каждым днем? Дилемма... а может, бросить... Если бы люди знали, как он устал от одиночества! Целыми днями один. Так и свихнуться недолго...

Вадим вынырнул из тяжелых дум; что толку париться? Он посмотрел на ноутбук, зацепился взглядом за полку с учебни-ками и толстыми тетрадами, исписанными мелким, чуть ли не каллиграфическим почерком, и упрямо поджал губы. Нет, он не сдастся: до лета есть время, он что-нибудь придумает. Нель-зя бросать учебу, если он будет учиться в «меде», то сможет ле-чить людей, имея за спиной академический багаж знаний, а не непонятно откуда выскакивающие познания и интуитивные навыки.

Оторвав хозяина от разглядывания полок, поднял лай Сне-жок. Вадим выглянул в окно: пес бросался на ворота, у которых остановился «лендкрузер» с амурскими номерами...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. РОСТОК.	9
Часть вторая. ОГНЕННЫЕ ЗАРНИЦЫ.	165
Часть третья. СОПРИКОСНОВЕНИЕ МИРОВ	339